

«Детское чтение для сердца и разума»

Н. М. Карамзин

РОМАН-ГАЗЕТА

12

Детская

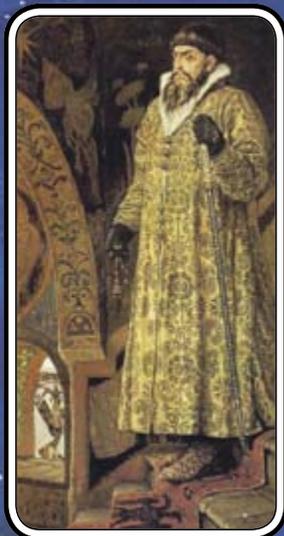
■ 2016 (210)

6+

УГОЛОК РОССИИ:

Олонец

ИМЕНА:

История государства
Российского

Планета

Джанни Родари

НОВОГОДНИХ ёЛОК

ISSN 1684-0895

9 771684 089001 >

Художник Е. Устинова

С Новым годом! С Рождеством Христовым!

Агния Барто

Каникулы

Урок меня не спрашивай,
Не спрашивай, не спрашивай,
Урок меня не спрашивай, —
На отдыхе отряд,
На ёлке разукрашенной
Фонарики горят.
Повеселятся школьники
В свободные деньки.
Мы — за город, в Сокольники,
На лыжи, на коньки.
Провалишься до пояса,
До пояса, до пояса,
Провалишься до пояса,
Останешься в снегу,
А я на лыжах по лесу
До Северного полюса,
Как хочешь, пробегу!
Урок меня не спрашивай,
Не спрашивай, не спрашивай,
Урок меня не спрашивай, —
На отдыхе отряд,
На ёлке разукрашенной
Фонарики горят.
А все тетрадки
Спрятаны,
Пускай пока
Поспят они.

В. Васнецов
Палаты царя Берендея
1885 г.

В номере:

3

Джанни Родари

Планета новогодних ёлок

17

РУССКИЙ МУЗЕУМ

Даниил Санкин

**Продолжатель семейных художественных традиций:
Евгений Лансерэ**

21

ЖИВОЙ УГОЛОК

Александр Стрижев

Здравствуй, гостя-зима!

22

ИМЕНА

Валентина Коростелёва

«Верю и всегда буду верить...»

25

РАССКАЗЫ

Валерий Модестов

Не было бы счастья...

26

ПУТЕШЕСТВИЕ ВО ВРЕМЕНИ

Лидия Чарская

Две ёлки

28

УГОЛОК РОССИИ

Олег Трушин

Олонец: Величайший в мире город...

30

СКАЗКИ ДЛЯ ДЕТИШЕК, СЕСТРЁНОК И БРАТИШЕК

Наталья Безотосная

Семейный праздник

33

БУХТИНЫ

Владимир Волков

Примета

34

СТРАНИЧКА ДЕТСКОГО ТВОРЧЕСТВА

Главный редактор
Юрий Козлов

Зам. главного редактора
Екатерина Рощина

Художественное
редактирование
Татьяна Погудина

Генеральный директор
Елена Шевцова

Компьютерная вёрстка
и цветоделение
Александр Муравенко

Главный бухгалтер
Людмила Дьячкова

Зав. распространением
Ирина Бродянская

Журнал для детей среднего
школьного возраста

Выходит один раз в месяц

С 1996 года рекомендован
Министерством общего
и профессионального
образования РФ
для внеклассного чтения

Подписные индексы издания:
в каталоге агентства «Роспечать»
72766 на полугодие, **71899** на год;
в объединённом каталоге
«Пресса России»
38916 на полугодие;
в электронном каталоге
«Почта России»
П1654 на полугодие

Учредитель: ООО «Роман-газета»
Адрес редакции: 107078, Москва,
ул. Новая Басманная, 19.
Тел.: 8 (499) 261-84-61
Факс: 8 (499) 261-49-29
E-mail: roman-gazeta-1927@yandex.ru
Основан в 1995 г.

Журнал зарегистрирован
в Комитете Российской
Федерации по печати.
Свидетельство о регистрации
№ 01384 от 27 июня 1995 г.

Отпечатано
в ОАО «Первая Образцовая
типография»
Филиал «Чеховский
Печатный Двор»
(142300, Московская обл., г. Чехов,
ул. Полиграфистов, д. 1)
Факс: 8 (496) 726-54-10,
Тел. 8 (495) 988-63-87

Многоканальный телефон отдела
продаж услуг: 8 (499) 270-73-59
Сайт: www.chpd.ru
e-mail: sales@chpd.ru

Тираж 2000 экз.

В розницу цена свободная
Заказ № 8208

© «Роман-газета», 2016 г.

Выпуск издания осуществлён
при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати
и массовым коммуникациям

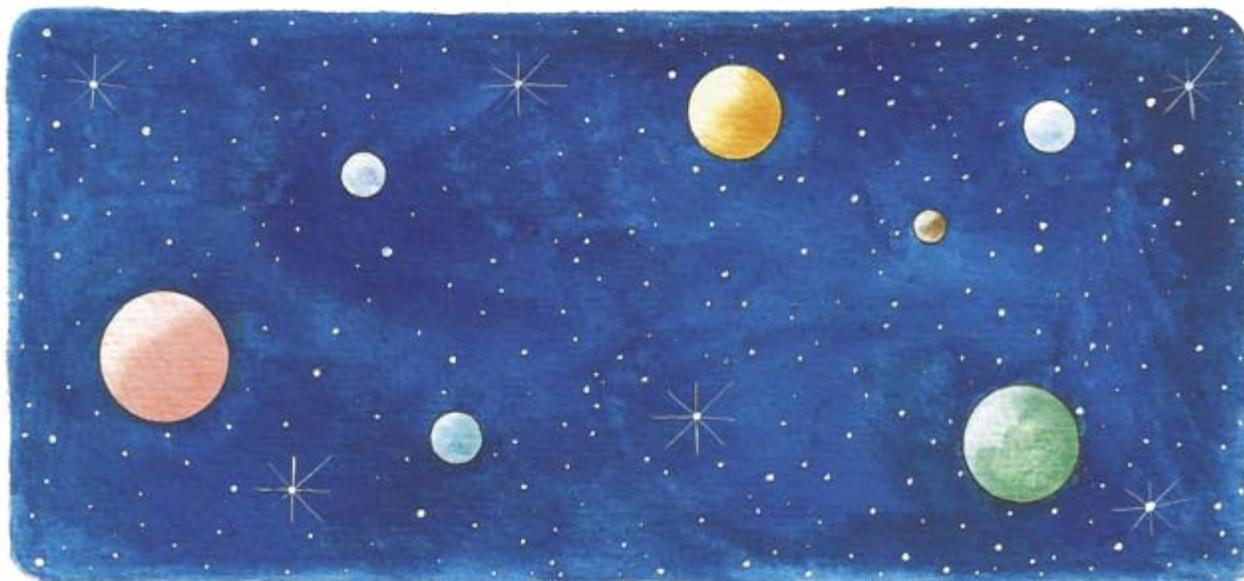
Авторов материалов,
использованных в этом номере,
просим обращаться в редакцию

Джанни Родари

Планета новогодних ёлок

О Т Р Ы В О К И З С К А З К И

Художник Е. Устинова

Человек в небе

- Капитан, человек в небе!
- Ясно. В каком квадрате?
- Прямо по хвосту.
- Быстро сверхбинокль!
- Есть, капитан!

Небольшое отступление

Когда я впервые рассказал эту историю, после слова «сверхбинокль» меня тотчас же прервал один синьор:

— Плохое начало, уважаемый! «Человек в небе»! Что это такое? Разве так говорят? Даже дети знают, что надо говорить: «Человек за бортом!» А кроме того, хвосты бывают у ослов, и очень трудно представить себе капитана, командующего ослом. И наконец, будьте добры, объясните, пожалуйста, что такое сверхбинокль? Может, это что-то горбатое, вроде верблюда?

— Доктор, — сказал я (а он почти наверняка был доктором — ведь он носил галстук и отутюженные брюки; в Риме люди, одетые так, почти все доктора каких-нибудь наук). — Доктор, — сказал я, — на вашем месте я не торопился бы критиковать всё направо и налево...

— И со стороны хвоста... — съязвил он.

— Разговор, который я только что привёл, — невозмутимо продолжал я, не обращая внимания на его насмешку, — происходил на борту космического корабля, летящего в безвоздушном пространстве. А там нет ни морей, ни озёр, ни даже речки. Вокруг корабля было только чёрное небо, такое чёрное, что глаза ломило. Из разговора также совершенно ясно, что вахтенный заметил в свете хвостовых прожекторов человека, потерпевшего кораблекрушение. И в этой ситуации можно было кричать только: «Человек в небе!» Открою вам ещё один секрет: этот космический аппарат по причинам, о которых скажу позднее, имел форму деревянного коня. И нечего удивляться, что он был с хвостом. Другие небесные тела, например кометы, тоже имеют хвост. Значит, хвосты обладают всеми правами гражданства в космосе. А теперь перейдём к сверхбиноклю. Хотите знать, что это такое? Усовершенствованный бинокль! С третьим тубусом, который при желании можно направить назад и без всякого труда видеть всё, что происходит у вас за спиной, можно даже сказать — у вас в хвосте.

Очень полезное, с моей точки зрения, изобретение. Будь у вас такой сверхбинокль, скажем, на стадионе, вы могли бы не только следить за игрой на поле, но и наслаждаться видом болельщиков проигрывающей команды. Разве не интересное зрелище?

Доктор пробормотал себе в галстук что-то невнятное, поправил складку на брюках, вспомнил, что его ждут важные дела, и удалился, не став слушать продолжение истории. Тем хуже для него. А мы закончим это небольшое отступление и начнём всё сначала.

Синьор Экс-Паулюс

Капитан схватил сверхбинокль и, сгорая от любопытства, посмотрел на космического путешественника, который плывал в световом шлейфе корабля.

— Но это же не взрослый человек, это ребёнок! — воскликнул он.

— Ничего удивительного, — проговорил штурман, — ребята всегда льнут к иллюминатору. Совершенно естественно, что иногда они выпадают за борт.

Капитан улыбнулся:

— Он верхом на игрушечной лошадке. Значит, задание выполнено. Но не будем зря болтать. Включить магнитное поле!

Не успел он отдать команду, как лошадка вместе со всадником мягко ткнулась в «брюхо» космического корабля. Тотчас же открылся люк, и мальчишка, потерпевший кораблекрушение, был принят на борт.

На вид ему можно было дать лет девять или десять. Тёмные волосы, огромные глаза. Одет в голубую пижамку. Он очень забавно спрыгнул с лошадки, скрестил руки на груди и гордо окинул взглядом экипаж, столпившийся возле него. Не утруждая себя приветствием, он с предельной категоричностью заявил:

— Эй вы! Имейте в виду, я ни на секунду не считаю себя вашим пленником.

— Пленником? — удивился капитан и погладил свою бороду. — Не понимаю.

— Ну если вам непонятно, что ж тогда спрашивать с меня?

— А ты мог бы, например, сказать, как тебя зовут?

— Меня зовут Марко Милани. А вас? Капитан снова погладил бороду, а члены экипажа лукаво перемигнулись.

— Ты затронул больное место, — ответил капитан. — Ещё неделю назад меня звали Паулюсом. Я носил это имя почти два года, и оно надоело мне, словно грязная рубашка. Тогда я расстался с ним. А другого имени пока не придумал.

И сейчас меня вовсе никак не зовут. А какое имя посоветовал бы мне ты?

Марко недоверчиво посмотрел на него.

— Гм... Всё шутите. Просто ваше имя — военная тайна! Ну и держите её при себе. Я вовсе не сгораю от желания узнать её. Кстати, это вы капитан корабля?

— До девяти часов, — ответил Экс-Паулюс. — Мы тут капитанам по очереди.

— И все вы здесь капитаны?

— Точно так же, как полковники, генералы, майоры. Ведь титулы и звания ничего не стоят.

— Это где же они ничего не стоят?

— На нашей планете.

— Я так и подумал — вы не земляне.

Планета Ясная

Марко с большим любопытством разглядывал космонавтов, но не обнаружил в их облике ничего необычного: не было ни антенн на голове, ни рогов на лбу — ничего. Одни носили бороду, другие — усы, третьи вообще были чисто выбриты. Каждый имел по две руки и две ноги, на руках было по пять пальцев, нос и уши тоже на месте — всё как полагается. И все были в пижамах. Марко решил, что в этот час они, видимо, собирались ложиться спать.

— А как называется ваша планета? — спросил он.

— Просто планета — и всё.

— Так я и поверил! Опять военная тайна.

— Да нет же! Вот вы как называете вашу планету? Просто Земля, не так ли? И только другим планетам даёте всякие забавные названия — Марс, Меркурий и так далее.

— А вы как называете Землю?

Капитан улыбнулся:

— Планета Ясная. Самое большое — через пару часов мы приземлимся на нашей планете. Таков приказ.

Марко искал слова, чтобы выразить своё возмущение, как вдруг раздался оглушительный рёв, точно залаяло сразу сто тысяч бешеных собак. Стены космического коня задрожали. Из репродуктора послышался тревожный голос, но понять, что он говорит, было невозможно.

Собаки-пересобаки

— Тревога! Мы окружены! — Капитан Экс-Паулюс схватил Марко за руку: — Идём в мою кабину! Быстро! — И они устремились вверх по узкой крутой лестнице. — Хорошо, — добавил капитан, — что атака началась до девяти часов, пока я на посту. Из капитанской рубки лучше видно — она в голове коня. Смотри!

Кабина была вся застеклена и походила на веранду деревенского домика в горах. Было хорошо видно, как к космическому кораблю со всех сторон несутся полчища огромных чудовищ. С невероятным лаем они яростно кидались на корабль.

— Да ведь это же собаки! — удивился Марко. — Летающие собаки, чёрт возьми!

— Собаки-пересобаки, — уточнил капитан.

— Тоже астронавты, как ваш конь? Вражеская армада?

— Нет, нет! Просто скверные животные. Посмотри сюда, ты, верно, думаешь, что они крылатые? На самом деле это у них такие уши, а не крылья. Они вертят хвостом, как пропеллером. Поэтому и летают.

— И лают...

— Слишком громко. Мощная акустическая атака!

Одна из пересобак прижалась мордой к стеклу кабины, точно хотела заглянуть внутрь. Казалось, лай издавали даже её глаза, лапы и живот. Марко крепко зажал уши, но всё равно не мог спастись от оглушительного лая, который заполнял все вокруг.

— Осторожно! — воскликнул Марко, увидев, как одна из пересобак обнажила клыки и принялась хватать стекло кабины.

— Не бойся, — успокоил мальчика капитан. — Стекло небьющееся. И кроме того, собаки, которые лают, даже лающие пересобаки, никогда не кусаются, ты ведь знаешь это. Не съедят они нас. Но оглохнуть от них можно. Ужасно надоедливые твари. К счастью, наш корабль движется гораздо быстрее их.

— Но ведь, наверное, проще убить их, — сказал Марко. — Вы бы раз и навсегда избавились от всех пересобак.

Капитан Экс-Паулюс с удивлением посмотрел на Марко.

— Убить? — переспросил он. — Что это значит?

— Убить — это значит уничтожить, искоренить, испепелить. Разве у вас нет «луча смерти»? Или бесшумных пистолетов? Разве вы ничему не научились, когда смотрели фильмы про гангстеров?

Капитан Экс-Паулюс энергично провёл рукой по бороде.

— Послушай, — сказал он, — ты почему-то не удивляешься, что мы понимаем твой язык и разговариваем с тобой. А между прочим, нам помогает вот этот электронный переводчик. — Капи-

тан показал на маленькую кнопочку, спрятанную под воротником пижамы. — Но, очевидно, аппарат этот плохо работает, или, быть может, ты употребляешь новые слова, которые нам ещё не известны. Так или иначе, я тебя совершенно не понимаю. Убить... Что это значит?

Марко рассмеялся.

— Извините, — произнёс он, — но мне смешно. Ведь «убить» — это одно из самых распространённых слов на свете. Его знали ещё доисторические люди.

Но Экс-Паулюс уже не слушал его. Он крикнул в микрофон какие-то команды, нажал какие-то кнопки, сдвинул рычаги, и через несколько секунд космический корабль, набрав скорость, легко устремился в просторы Вселенной, оставив лающих пересобак далеко позади.

Высадка в пижаме

Тут кто-то постучал в дверь кабины.

— Девять часов, — сказал Экс-Паулюс. — Меня сменяют. До свидания!

В дверях появился высокий мужчина с мрачным лицом.

— Ну что, повезло тебе? — проговорил он, обращаясь к капитану. — А мне не довелось насладиться спектаклем.

— Ничего не поделаешь — расписание есть расписание, — ответил Экс-Паулюс. — В другой раз полюбишься этим зрелищем. Познакомься, Марко. Это капитан Петрус.

Марко пожал руку новому капитану, а сам тем временем обратил внимание на одну звезду, которая была ярче других. Звезда быстро приближалась, и не успел он спросить её название, как она превратилась в зеленый шар. Шар увеличивался, и на его поверхности появились какие-то разводы, похожие на материки и океаны.

«Похоже, мы летим туда», — подумал Марко, но промолчал. Петрус был абсолютно спокоен, значит, бояться нечего. Больше того, новый капитан даже повеселел.

— Вот мы и дома, — сказал он. — Это наша планета. Облетим её раза два, чтобы сбавить скорость, и, с твоего позволения, сядем.

Всё точно так и произошло, как сказал Петрус. А когда космический корабль вошел в атмосферу планеты, стало светло как днём, и бортовое освещение за ненадобностью выключили.

Часы показывали половину десятого утра, когда Марко, совсем растерянный, ступил на поверхность неизвестной планеты. При этом он чувствовал себя довольно неловко, потому что был в ночной пижаме. Но Экс-Паулюс, Петрус и другие космонавты тоже были в пижамах, и, судя по всему, никто не соби-

рался переодеваться перед выходом из корабля. Марко решил, что мода на этой планете существенно отличается от римской. «Должно быть, галстук здесь повязывают, когда ложатся в постель», — подумал он. И, не беспокоясь больше о своём костюме, стал смотреть по сторонам.

Космический корабль, на котором он прилетел, действительно как две капли воды походил на большого игрушечного коня, хотя все остальные аппараты, что стояли на лётном поле гигантского аэродрома, ничем не отличались от обычных, земных, ракет. Они стартовали и приземлялись, не издавая никакого ржания. Марко не успел и осмотреться хорошенько, как увидел, что навстречу ему идет какой-то мальчик, тоже примерно лет девяти, такой же черноволосый, но в желтой пижаме. Он шел легко и непринужденно, как хозяин, встречающий гостя.

Новый гид

— Марко! — воскликнул он. — Привет! Надеюсь, путешествие прошло благополучно?

«Да кто же это такой? Откуда он меня знает? Я никогда прежде не видел его!» Марко вовремя вспомнил, что в Теста-чо делом чести считалось умение скрыть удивление, и ответил на его приветствие лёгким кивком, пробормотав что-то непонятное.

— Что, что? — переспросил улыбаясь мальчик.

8

— Говорю — хорошее путешествие, — ответил Марко, — хотя у меня и не было ни малейшего желания отправляться куда бы то ни было. Меня привезли сюда против моей воли, и я протестую!

— Нет, вы слышите?! — засмеялся капитан Петрус, хлопая мальчика по плечу.

— Здравствуйте, Экс-Паулус. — Маленький незнакомец обратился к другому капитану. — Придумали себе новое имя? Как вас теперь называть?

— Нет, так и не знаю. Напишу на бумажках десять имён, положу в шляпу и вытащу наугад. Яснианин не захотел помочь мне в этом вопросе.

— Отчего же! Я предлагаю — Старый Таракан! — грубо ответил Марко.

Все засмеялись, чтобы скрыть неловкость.

— Ну ладно, пошли, — сказал Петрус. — Вручаю тебе потерпевшего кораблекрушение живым и здоровым. Не потеряна ни одна пуговичка.

— Как? — возмутился Марко. — Я требую, чтобы вы сейчас же отправили меня обратно на Землю! Высадили неизвестно где и ещё отдаете какому-то малышу из детсада!

— Не знаю, что и делать, — ответил Петрус, — но таков приказ. Если не возражаешь, я попрощаюсь с тобой, и поверь в мои самые добрые чувства...

— Но вы же не бросите меня тут! А кто отвезёт меня обратно на Землю?

— Не беспокойся, — крикнул Экс-Паулус, удаляясь с другими членами экипажа. — У тебя будет хороший гид.

Марко не находил слов, чтобы выразить своё возмущение. Он проводил взглядом космонавтов, потом посмотрел на космического коня и обнаружил

на его морде точно такое же тупое выражение, какое было у его игрушечной лошади. Марко резко повернулся к мальчику, но встретил его добрый взгляд и улыбку.

Забавный календарь

— Как тебя зовут?

— Маркус.

— Надо же!

— В твою честь, между прочим. Еще вчера я был Юлиусом. А сегодня мне поручено встретить тебя и составить тебе компанию. Я очень рад этому. Но ещё больше рад подружиться с тобой.

— А я, — заявил Марко, — тоже рад, так рад, что охотно расквасил бы тебе физиономию! Что же это такое делается: сперва берут тебя в плен, даже не считая нужным объяснить, зачем и куда, а потом оставляют с каким-то малышом из детсада — и до свидания! Да я сейчас тут такое устрою! Всё разнесу!

Лицо Маркуса радостно засияло, будто он услышал что-то очень приятное.

— Я знаю, что тебе нужно! — воскликнул он. — Идём! — и не оборачиваясь, устремился вперёд. Марко ничего не оставалось, как последовать за ним. Впрочем, ему уже было всё равно — идти или стоять на месте.

Они пошли по лётному полю. Вокруг было много народу. И Марко невольно обратил внимание, что все были в пижамах и домашних туфлях — вообще выглядели так, словно прогуливаются по саду какой-нибудь загородной дачи, наслаждаясь тёплым солнышком.

Первое здание, которое Марко увидел на этой планете — аэровокзал на космодроме, — оказалось длинным и низким строением из самого обычного стекла и кирпича. Только вот на окнах в цветочных горшках, какие стоят у нас чуть ли не на каждом балконе, вместо герани и других цветов, названия которых никак не упомнить, росли маленькие новогодние ёлочки. Да, да, не просто зеленые ёлочки, а именно новогодние, украшенные сверкающими игрушками и снежинками из ваты, серебряными звёздами и разноцветными лампочками. «Но ведь вчера был день моего рож-

дения, то есть 23 октября! — с изумлением подумал Марко. — Неужели здесь так рано начинают готовиться к Новому году?»

Сразу же за межпланетным аэровокзалом начинался город. Самый обыкновенный город — дома, улицы, площадь. Дома высокие и невысокие, но, пожалуй, невысоких здесь было больше, и парков, похоже, было больше, чем домов. А вообще-то ничего особенного, если бы — вот опять! — не эти столь ранние приметы Нового года.

Вдоль бульвара, что вёл к центру города, тянулись две нескончаемые шеренги высоченных елей, и они тоже были увешаны серебряными гирляндами, разноцветными лампочками и яркими игрушками, то есть украшены как самые настоящие новогодние ёлки.

— Скажи-ка, — обратился Марко к своему спутнику, — а какой сегодня день?

— Новогодний, — весело ответил тот.

«Какой же я дурак, — подумал Марко. — Должно быть, на этой планете совсем другой календарь, не такой, как на Земле. Там сегодня 24 октября, а здесь, выходит, 1 января».

Маркус тем временем вошёл в здание, которое служило, видимо, складом деревянных лошадок, выбрал лошадку с двухместным седлом и пригласил Марко сесть вместе с ним.

— Ладно, кончай валять дурака! — рассердился потомок древних римлян,

у которого и без того были свои счёты с этими лошадками.

— А в чём дело? Это же наши «роботы». Садись, и поедем. Они для того и существуют.

— Нечто вроде такси? — съехидничал Марко. — А где же счётчик? Коротче, кому платить за проезд?

Маркус с изумлением посмотрел на него.

— А за что ты хочешь платить? — улыбнулся он. — «Роботы» общие. Кому надо, тот и берёт их.

Деревянная лошадка плавно и бесшумно тронулась с места и легко полетела вперёд, мягко покачиваясь в тёплом и ласковом воздухе. Только тут Марко заметил то, что должно было поразить его ещё раньше: в Новый год, зимой, на улице он был в одной пижаме, а у него даже руки не замерзли! Тут ему пришли на помощь скромные познания в географии. Он вспомнил, что и на Земле есть страны, где в январе жарко, как в Италии летом. И всё же какое-то сомнение у него оставалось, но вскоре другие впечатления заставили его позабыть о нём.

— Смотри-ка, магазины открыты! — опять удивился он.

— Чего же тут странного? Они всегда открыты, — ответил Маркус.

— Да ведь сегодня Новый год! У нас в этот день все отдыхают.

Маркус не ответил.

«Просто какая-то ненормальная планета! — подумал Марко. — Игрушеч-

ные лошадки вместо такси, и магазины открыты в Новый год... Сам чёрт не разберёт, что тут делается!»

Дома на бульваре выглядели чистыми и нарядными. И не найти было ни одного балкона, ни одного окна, где не выставлена была бы новогодняя ёлочка, украшенная блестящими игрушками. Городские власти если, конечно, это они позаботились о них немало потрудились. Невозможно было представить себе город, украшенный лучше. Он был красив, как рекламная афиша «Летайте самолётами «Италтурист». Однако всё же странно, что повсюду открыты магазины. Впрочем, возможно, сегодня не 1 января, а 31 или даже 27 декабря? Обычно к Новому году готовятся заранее, да и хозяева магазинов заинтересованы в том, чтобы люди сделали побольше покупок.

— Маркус! — позвал Марко. — А какой день был вчера?

— Новогодний, — услышал он в ответ.

«Ну вот, я был прав, — обрадовался Марко, — магазины открыты потому, что не сегодня Новый год... Он был вчера. Впрочем...»

— А какой день будет завтра?

— Новогодний. Я уже сказал тебе.

— Но ведь он был вчера! — возмутился Марко.

— Ну да — вчера, сегодня, завтра... Всегда! У нас все дни новогодние.

— А ну тебя! — вскипел Марко. — Вы только и делаете, что без конца шутите. Я обещал расквасить тебе физиономию и, очевидно, с удовольствием это сделаю.

— Но мы как раз идём туда. Потерпи немного.

— Куда идём-то?

— Туда, где ты сможешь отвести душу и вволю побушевать.

Можно ломать всё что угодно!

Марко не знал, что и ответить. Впрочем, они уже пришли. Бульвар вывел их на широкую площадь, окружённую огромными новогодними ёлками, и Марко увидел красивый дворец, на фронтоне которого сверкали большие буквы: «Ломай что угодно!» На дверях красовалась надпись: «Вход свободный в любое время дня и ночи».

— Тебе повезло, — сказал Маркус. — Дворец открылся после ремонта всего

два дня назад, и его только-только начали разрушать. Приехал бы ты неделю назад, нашёл бы здесь одни развалины.

Ребята оставили деревянную лошадку у тротуара, где стояло изрядное количество таких же «роботов», и вошли в здание.

Если послушать Маркуса, то идея построить подобный дворец родилась ещё в прошлом веке. Её предложил известный астроботаник, который был знаменит тем, что, не выходя из дома, замечательно умел описывать флору самых отдалённых планет. Учёный был по совместительству и хорошим семьянином. Как-то он заметил, что его дети всё время стараются что-нибудь сломать или испортить. В доме гибло буквально всё, к чему прикасались их руки. И тогда астроботаник взял да и подарил им вместо обычных игрушек несколько сот самых дешёвых мисок и тарелок.

Детей у него было двое. Чтобы методично перебить эту гору посуды, раскрошить на самые мелкие кусочки — не больше остриженного краешка ногтя, этим разбойникам понадобилось почти пять дней, причём работали они в четыре руки и даже в четыре ноги с восхода и до заката солнца. Но самое главное, что к концу этой операции у них совершенно пропало и больше уже никогда не возникало всякое желание ломать что бы то ни было. Учёный выступил в газете, показав с цифрами в руках, что благодаря сотне-другой тарелок он получил немалую экономию, если считать по ценам минувших столетий, потому что в доме больше ничего не портилось: ни мебель, ни коллекционный фарфор, ни зеркала, ни стёкла...

«Почему бы, — предлагал учёный, — не применить эту систему шире? Разве только дети испытывают время от времени неукротимое желание что-нибудь сломать? Или мы, взрослые, люди второго сорта, и у нас нет права поиграть своими мускулами? Тем более теперь, когда всё на свете за нас делают машины — добывают уголь, обрабатывают камень и дерево, разрушают атомы...» И так далее и так далее.

Статья была длинной и убедительной. А через две недели вопрос о строительстве дворца «Ломай что угодно!» был уже делом решённым. Построили

его тоже очень быстро. Получилось многоэтажное здание, все помещения которого были заполнены различной мебелью, а серванты и буфеты, в свою очередь, были битком набиты посудой. И всё это — тарелки, стаканы, ковры, столы, стулья, диваны, двери, окна — можно было бить, ломать, рвать, пороть.

Дети приходили во дворец в определённые дни в сопровождении учителей, и им разрешалось ломать тут всё что угодно. Ребята, разумеется, не заставляли себя долго упрашивать. Взрослые иной раз тоже заглядывали сюда, когда у них было очень плохое настроение, становилось вдруг грустно или хотелось с кем-нибудь поссориться.

Им, понятное дело, предлагали заняться самой трудной работой — ломать крышу, стены и, если было желание, даже фундамент. Чтобы разрушить его, приходилось трудиться куда больше, чем рабам на строительстве пирамид в Древнем Египте. Но в конце концов, когда они уже совсем выбивались из сил и бросали работу, к ним возвращалось хорошее настроение, и по крайней мере лет десять не возникало желания ссориться с кем-нибудь или бросать на пол фарфор во время семейных «недоразумений».

Экономисты, вооружившись цифрами — расчёты сделали электронно-вычислительные машины, — показали, что разрушение дворца «Ломай что угодно!» позволяет сэкономить сумму в сто раз больше той, что затрачена на его строительство и на все вещи, какими он заполнен, а главное — на 28,51 процен-

та улучшает настроение граждан. Так что идея вполне оправдала себя.

Поняв, о чём идёт речь, Марко захотел, чтобы и к нему вернулось хорошее настроение.

Несмотря на бессонную ночь, он чувствовал себя бодро и с жаром принялся за работу — начал ломать огромный платяной шкаф. Для этого ему понадобились топор, молоток и велосипедный насос — всё может пригодиться, когда хочешь довести до конца хорошее дело.

Рядом, в соседних залах дворца, под наблюдением родителей и учителей трудилось по крайней мере пятьсот школьников. Они, как могли, старательно уничтожали мебель. Их весёлые голоса и гром молотков эхом разносились по всему зданию.

Часа за два Марко справился не только с платяным шкафом, но и с мебелью для гостиной и с двумя спальными гарнитурами. Из дворца «Ломай что угодно!» он вышел абсолютно спокойным, не испытывая больше ни тени неприязни к Маркусу.

Движущиеся скамейки

На улице Марко обрадовался неожиданной тишине. Слышны были только тихие и приятные звуки. Люди разговаривали очень живо, но не громко, а общественный транспорт, то есть деревянные лошадки, двигались совершенно бесшумно, словно лодки по глади озера. Да и пешеходы вроде бы не шли, а

скользили мимо. Оказывается, на многих улицах были устроены движущиеся тротуары. Стоило ступить на бегущую ленту, как на эскалатор метро, и, пожалуйста, отправляйтесь дальше — от перекрёстка к перекрёстку. Если вам надо было ехать далеко, скажем, в другой конец города, вы могли присесть на скамейку — их было достаточно. Особенно устраивали они людей пожилых, для которых сидение на скамейке даже тут, на этой странной планете, тоже было, очевидно, любимым времяпрепровождением.

«Эх, — невольно вздохнул Марко, — такую движущуюся, и бесплатную к тому же, скамейку да моему бы дедушке! Ведь он целыми днями сидит на одном и том же месте возле дома. Какое счастье было бы для римских пенсионеров, если б они могли целыми днями разъезжать на скамейке по всему городу — от Колизея до Джаниколо, от площади собора святого Петра до Мойте Марио! Окажись такой движущийся тротуар на площади Пантеона, уверен, дедушка переселился бы туда насовсем. Бедный дедушка! Интересно, что он сейчас делает?»

Но тут Марко вспомнил, что именно из-за дедушки и его подарка он затерялся на Млечном Пути, возможно, и дальше, ужасно далеко от Тестацчо, от друзей. И гнев, который было утих, вскипел с новой силой.

— Хочу есть, — грубо прервал он объяснение Маркуса.

— Прекрасно! Я тоже. А раз так, идём в кафе.

Они ступили на движущийся тротуар и неслышно поплыли мимо заполненных людьми магазинов. Люди, кстати сказать, все, как один, были в пижамах. Похоже, другой одежды тут не носили.

«Конечно, пижама — вещь очень неплохая, и домашние туфли, бесспорно, удобнее ботинок. Но выходить в таком виде на улицу, по-моему, совершенно неприлично! Хотя, с другой стороны, это меня не касается — пусть себе ходят в чём хотят, даже в масках. Какое мне дело! Я же не собираюсь оставаться тут навсегда!»

Марко хотелось критиковать всё, что происходило на этой странной планете. Но это плохо удавалось ему. Он вынуж-

ден был признать, что бесплатное такси и движущийся тротуар — придумано совсем неплохо. Да и новогодние ёлки тоже поднимали настроение. Ко всему прочему, было очень тепло, и в воздухе разливался аромат цветов.

«Как весной в прекрасном саду!» — невольно подумал Марко.

А тротуар между тем двигался по улице мимо домов с празднично украшенными витринами.

Воруй сколько хочешь!

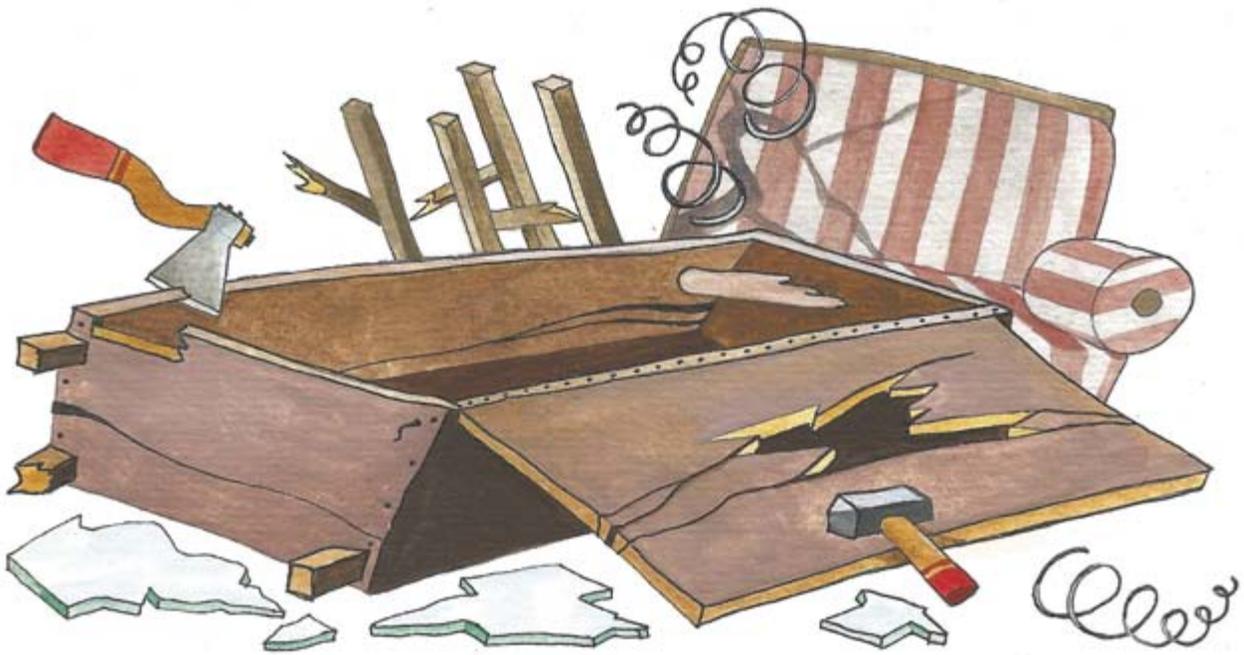
И тут Марко заметил ещё одну странность — витрины были без стекол! Возможно, потому, что здесь такой хороший климат. Но разве это не опасно, разве это не способствует воровству? И, словно подтверждая его опасения, какой-то синьор, когда они проезжали мимо витрины фруктовой лавки, протянул руку, схватил большую гроздь винограда и преспокойно принялся его есть, кладя в рот виноградинку за виноградинкой. И никто вокруг словно ничего не заметил.

А потом другой вполне уважаемый старичок встал со скамейки и подошёл к краю тротуара, как бы собираясь сойти с него. Но сходить он не стал, а принялся что-то высматривать впереди, будто ожидая чего-то. Когда же тротуар подвёз его к газетному киоску, он ловко стащил толстый иллюстрированный журнал, взглянул на номер, убедился, что это именно тот, который ему нужен, снова удобно уселся на скамейку и начал спокойно листать его.

«Вот это да, — подумал Марко, снова вскипев. — И номер проверил, не слишком ли старый журнал. Неужели я попал в страну воров? Маркус тоже всё видел, но ничего не сказал...»

Однако прежде, чем они подъехали к кафе, случилась ещё более странная история. Старичок — тот самый, что украл журнал, — снова поднялся (бывают же такие беспокойные люди!), подошёл к Маркусу и, вежливо улыбаясь, попросил его о небольшой любезности.

— Молодой человек, — сказал он, — для вас это не составит труда... Мне нужна сигара, но боюсь, что не смогу взять её, не сходя с тротуара. Не добудете ли вы мне одну в ближайшей лавке? Там на витрине прекрасные сигары. Я видел, когда проезжал тут вчера.

— С удовольствием! — ответил Маркус.

И никто даже не улыбнулся.

— Только, пожалуйста, выберите не слишком тёмную и не очень светлую, — посоветовал старичок, который ел виноград.

— Постараюсь, — ответил Маркус. — Хорошо, что предупредили, я в сигарах плохо разбираюсь.

Он взял сигару получше, другую засунул в карман и вернулся к скамейке, где, очевидно чтобы сохранить место, оставил украденный журнал.

Марко так и обмер. Вот ведь какая штука — он оказался в воровской компании! Нет, лучше всего молчать — делать вид, будто ничего не замечаешь.

«Высказаться, — решил он, — я всегда успею».

Вскоре они сошли с движущегося тротуара и направились в кафе.

Поначалу Марко не заметил ничего необычного — ничто не отличало кафе от рядовой римской траттории: даже вазы с цветами стояли на столах, покрытых белыми скатертями. И реклама, как и всюду, настойчиво приглашала посетителей отведать фирменное блюдо.

Слово «платить»

«Сегодня триштекс на коротких шампурах!»

«Попробуйте нотку «до» из горла индюка!»

«Жареные краники — холодные и горячие!»

По мнению Марко, всё это не слишком-то пробуждало аппетит. Но оказалось, тут есть вещи и пострашнее. Он убедился в этом, когда заглянул в меню. Это была толстая и тяжёлая, как телефонный справочник, книга. На каждой странице перечислено не менее трёхсот блюд. Всего книга содержала по меньшей мере триста тысяч различных кулинарных рецептов. А в конце были чистые листы, и посетителей кафе просили вписывать туда рецепты собственного изобретения.

Он продолжал листать меню, останавливаясь на самых необычных кушаньях: «Ножки поросёнка с лампочками в соусе из лестничных перил», «Ножки хромоногого столика», «Оцинкованное листовое железо по-цыгански», «Суп из фаршированных кирпичей».

— Чем же они фаршированы? — спросил Марко у своего улыбающегося спутника. — Я бы не хотел, чтобы внутри оказалась кожура от каштанов или радиодетали. Их я вовсе не люблю.

— Напрасно. Фаршированные кирпичи — очень вкусное блюдо, — сказал Маркус. — Я прекрасно понимаю, что наше меню не вызывает у тебя восторга. Но мы привыкли есть всё — железо, уголь, цемент, стекло, дерево, а также гвозди, щипцы, легко усваивается даже

телефонный кабель. Всё съедобно на нашей планете.

— Как же остаются невредимыми ваши города? Ведь можно съесть, наверное, и дома со всеми дверями и окнами?

— Конечно, можно, но они нужны нам, чтобы жить в них, спать, слушать музыку, читать книги, принимать друзей. Ну как, у тебя прибавилось аппетита после знакомства с этим меню?

— Пожалуй. Дело в том, что недавно мама водила меня к врачу, тот нашёл, что я слишком тощий, и назначил мне железо. Пришлось пить какой-то прототивный сироп. Так что я воспользуюсь случаем и закажу себе хороший железный бифштекс.

К столу подошёл официант в белой куртке. Это был робот с шестью парами рук, и на каждой висела салфетка. Всего, следовательно, их было двенадцать. Робот внимательно выслушал заказ и убежал, но почти тотчас вернулся со множеством тарелок.

Железный бифштекс на шампуре оказался необыкновенно вкусным и ароматным. Марко уничтожил его в несколько секунд.

— Тебе надо было заказать четвероштекс, — пошутил Маркус, который с удовольствием пил кофе с молоком и персиковым джемом (точнее, с жестяной банкой, в которой когда-то был персиковый джем).

Марко захотел попробовать также суп с кирпичами и обнаружил, что он был заправлен пастой для шариковых ручек и пеплом от папирос.

На третье робот предложил фруктовый коктейль. Марко почувствовал запах апельсинового сока, но Маркус объяснил, что это всего-навсего смесь дождевой воды и старого машинного масла для смазки автомобилей, которое хранят в специальных деревянных сосудах, выдолбленных из железнодеревянных шпал.

Поужинав, мальчики встали и направились к выходу.

— А кто заплатит по счету? — поинтересовался Марко в дверях.

— Заплатит? — переспросил Маркус. — Опять? Ты же знаешь — у нас это слово не употребляется.

— О да, я понял это, когда ты стащил сигары для старичка! — ехидно заметил наш яснианец. — А теперь ты будешь

уверять, будто можно прийти в кафе, вкусно поесть, вытереть рот салфеткой, и робот...

— Благодарю вас! Приходите ещё! — как раз в этот момент с нижайшим поклоном произнёс робот.

— Придём, когда будем поблизости, — вежливо пообещал Маркус, пожимая одну за другой все двенадцать его рук.

— Не забывайте меня, — попросил робот. — А то я скучаю без работы. Видите, в кафе почти пусто.

— Мы обязательно придём сегодня вечером, — пообещал Маркус, видимо, чтобы успокоить его.

Мятная гроза

На этот раз ребята не воспользовались движущимся тротуаром, а решили пройтись немного по тихим, безлюдным улочкам. Однако и здесь дома были празднично украшены сотнями больших и маленьких новогодних ёлок. Они росли даже на крышах. И Марко стало казаться, что он пробирается под ветвями одной огромной новогодней ёлки. Он то и дело задевал что-нибудь головой — серебряный колокольчик, звёздочку или ещё какую-нибудь милую безделушку, всё назначение которой только в том, чтобы внести в дом веселье.

— Городские власти, должно быть, потратили уйму денег на все эти украшения! — заметил Марко.

— Ни одной копейки, — ответил Маркус. — Хотя бы потому, что у нас давно отменены деньги. А украшения растут сами собой. Разве не видно?

Марко внимательно посмотрел на ближайшую ёлку и убедился, что лампочки, колокольчики, шарики и все прочие игрушки действительно росли на ветвях, как плоды, — каждый на своем черенке.

— И расцветают под Новый год? — спросил Марко.

— Нет, они цветут круглый год. У нас ведь каждый день новогодний, я уже тебе говорил.

— В таком случае вашу планету можно назвать Планетой Новогодних Ёлок, — решил Марко. И с удивлением подумал, что завидует Маркусу. Ведь

на старой-престарой Земле таких деревьев, насколько помнит человечество, никогда не росло, кирпичи есть нельзя, а если хочешь посидеть в субботу вечером в трактории и поесть принесённую с собой в узелке еду, нужно заплатить за бумагу, которую официант постелет на стол.

«Интересно, в какой стороне наша Земля? Внизу? Или наверху?»

Воздух оставался всё таким же тёплым и благоуханным — лёгкий ветерок приносил запахи самых разных цветов.

— Да, вам тут хорошо, — вздохнул Марко. — Не только круглый год новогодние праздники, но, похоже, и весна никогда не кончается.

Маркус наклонился, собрал пальцем немного пыли и предложил гостю понюхать. Пыль пахла ландышами.

— Да это же пудра! — удивился Марко.

Он посмотрел наверх и увидел, что большая розовая туча, закрыв солнце, быстро затянула полнеба.

— Однако, — не без удовольствия заметил Марко, — я вижу, что и в этой счастливой стране случаются грозы?

Гроза действительно началась. Только вместо дождя с неба посыпались миллионы разноцветных конфетти. Ветер подхватывал их, кружил, разносил во все стороны. Создавалось полное впечатление, что нагрянула зима и занялась снежная пурга. Однако воздух оставался по-прежнему тёплым, напоённым разными ароматами — пахло мятой, анисом, мандаринами и ещё чем-то незнакомым, но очень приятным.

— Но откуда столько запахов сразу? — удивился Марко.

— Об этом заботятся машины, — пояснил Маркус, — которые приводят в движение воздух и формируют тучи и облака. Если хочешь, я отвезу тебя потом в Центр Прекрасной Погоды.

Маленькие разноцветные кружочки легко, будто снежинки, опускались на голову и одежду. Поймав на ладонь несколько конфетти, Маркус отправил их в рот, и Марко, вспомнив, что в этой стране всё съедобно, последовал его примеру. Это были самые настоящие мятные конфеты. А потом он обнаружил, что стоит открыть рот, как кон-

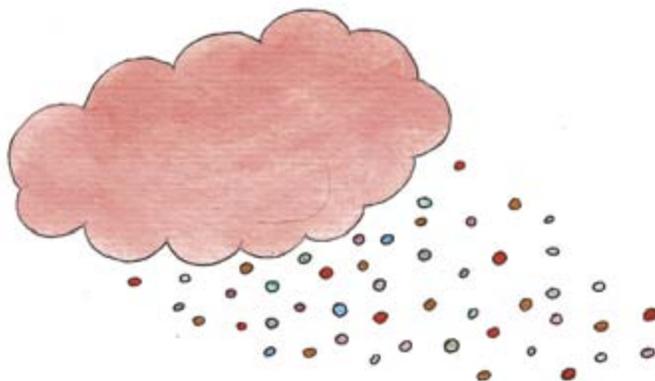
фетти сами влетают в него, словно птички в гнездо, и сразу же с приятнейшим холодком тают на языке.

Вскоре туча развеялась, и снова выглянуло солнышко. Над землёй лёгкой позёмкой продолжали кружиться конфетти. Словно снежком припорошили они новогодние ёлки. Птицы садились на ветви и с весёлым щебетом клевали эти небесные конфеты.

Картина была уж слишком слащавой, с точки зрения Марко, просто приторной.

— Прямо какая-то кукольная страна! — не удержался он.

А про себя решил при первой же возможности снова вернуться во дворец, где можно ломать что угодно, и отвести душу, расправившись с несколькими шкафами.

Сказки Джанни Родари

В России Джанни Родари любят наверное все — и дети и взрослые. Любят его за жизнерадостность и неисчерпаемую фантазию, за забавный юмор. Ценят за уважение к рукам честных тружеников и за неприязнь к белоручкам-богатеям. Он великолепно знал, чем пахнут различные профессии, чего стоят слёзы нищих детей. Не скрывая, что в мире огромное количество несправедливостей, — в мире, где царствуют деньги, — Родари верил в победу любви и добра и этой верой увлекал своих читателей.

Придумывая свои сказки, Джанни Родари помогал воспитывать детей всего мира. Он хотел, чтобы они обязательно были людьми творческими, —

и неважно, станут ли они астронавтами или геологами, водителями или моряками, докторами или кондитерами. Ведь яркая фантазия нужна во все не для того, чтобы все были поэтами, а для того, чтобы «не быть рабом».

Также стоит отметить, что сказки Родари воспитывают в детях мужественность, доброту и честность, делая их весёлыми и разговорчивыми — чтобы они всегда оставались оптимистами. Именно этой цели он стремился достичь всеми своими произведениями.

Персонажи, рождённые фантазией Д. Родари, появились со страниц сказки. Забавную неаполитанскую рожицу своего героя писатель встречал во Дворце культуры, в фойе театра, в домах московских ребят. Сбылась мечта сказочника. Игрушки, которые он делал «из букв» в своих рассказах, пре-

вратились в настоящие. Ими можно весело играть всей семьёй. Сказки Родари — такие же обычные игрушки, помогающие мамам и папам сблизиться со своими детишками, вместе посмеяться.

Продолжатель семейных художественных традиций:

Евгений ЛАНСЕРЕ

Евгений Евгеньевич Лансере (23 августа (4 сентября) 1875 года — 12 октября 1946 года) — известный русский художник, иллюстратор и оформитель книг, автор классических иллюстраций к произведениям Л. Н. Толстого, художник-монументалист, один из создателей советской монументальной живописи, рисовальщик и акварелист, художник театра и мастер станковой живописи, обращался к прикладному искусству, выступал как теоретик, долгие годы отдал педагогической деятельности.

Евгений Лансере родился под Петербургом, в Павловске в семье талантливого скульптора Евгения Александровича Лансере. Со стороны матери Лансере приходился правнуком Альберту Катери-

Константин Сомов.
Евгений Лансере. 1907

новичу Кавосу, строителю Большого театра в Москве и Мариинского в Петербурге, его дед Николай Леонтьевич Бенуа, был академиком архи-

тектуры. Архитектором и профессором был его дядя, Леонид Николаевич Бенуа, другой дядя известен как модный в своё время акварелист, младший из братьев матери, Александр Николаевич Бенуа, крупный русский художник, историк и критик искусства, законодатель художественных вкусов на протяжении многих лет.

Детство художника прошло на Украине, в небольшом имении отца Нескучное, где родилась его младшая сестра Зинаида Серебрякова, известная русская художница. После смерти Евгения Александровича Лансере мать художника вместе с детьми переехала в Петербург, в дом отца, известный в художественных кругах «Дом Бенуа у Николы Морского», как называли в

Петербург начала XVIII века. Здание Двенадцати коллегий. 1903

Флот Петра Великого. 1909

городе это просторное каменное здание. Художественные способности у Евгения Лансере проявились рано; в выборе профессии сомнений не было: «Прежде всего — быть отличным художником», — записал он в юношеском дневнике.

Евгений Лансере учился в Первой Санкт-Петербургской гимназии и затем, начиная с 1892 года, в Санкт-Петербургской Рисовальной школе Общества поощрения художеств. С 1895 по 1898 год Лансере путешествовал по Европе и учился рисованию и живописи во французских художественных школах, академиях Ф. Каларосси и Р. Жюльена.

В первую очередь Лансере стал известным как книжный график. Его работа в этой области началась с оформления книги Е. Балабановой «Легенды о старинных замках Бретани». В 1898 году Евгений Лансере выставил свои иллюстрации к бретонским легендам и

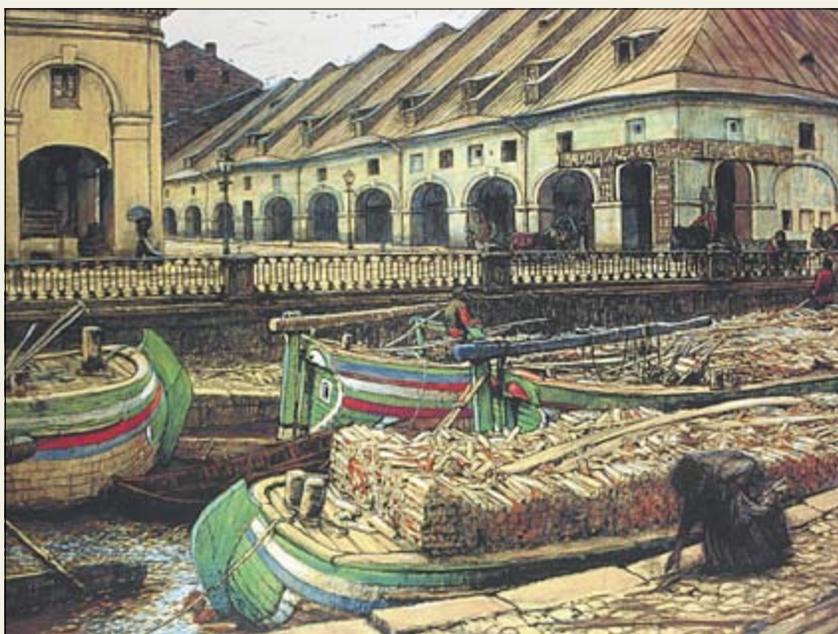
сказкам на выставке русских и финляндских художников, устроенной С. Дягилевым.

В качестве художника-оформителя Евгений Лансере начал свою работу на страницах журнала «Мир искусства».

В конце XIX — первых годах XX века художник оформил десятки книг, альманхов, журналов, выполнил экслибрисы, почтовые и из-

дательские марки, художественные открытки. Работая над книжной графикой, Лансере считал, что именно декоративное оформление, а не иллюстрация определяет художественный образ книги.

Первым среди русских художников Евгений Лансере стал выполнять постраничный макет оформления книги, создавая стройную гармо-

Петербург. У старого Никольского рынка. 1901

нию графических элементов. Это нововведение вошло впоследствии в практику всех мастеров книжной графики.

Наиболее значительными творческими достижениями художника в области книжного оформления стали книги А. Бенуа «Царское Село в царствование императрицы Елизаветы Петровны», для которой Евгений Лансере создал иллюстрации-заставки с развитым сюжетным началом, и «Хаджи-Мурат» Л. Толстого, издания 1916 и 1918 годов.

В 1902 году Евгений Лансере совершил поездку по Дальнему Востоку, посетил Маньчжурию и Японию. В феврале 1904 года, после начала Русско-японской войны, он исполняет ряд художественных открыток с видами Порт-Артура и Маньчжурии. В предреволюционные годы художник занимается станковой графикой и живописью, пишет с натуры, создает портретные зарисовки, пейзажи и многочисленные путевые этюды.

В начале 1900-х годов Лансере занялся работой в театре, оформлением театральных постановок и, в частности, выполнил декорации последнего акта балета «Сильвия» (1901) и панно для спектакля «Святылище Патрика» (1911) на сцене «Старинного театра».

Евгений Лансере занимается и прикладным искусством, в 1912 году он был назначен на пост заведующего художественной частью гранильных фабрик, фарфорового и стекольного заводов ведения «Кабинета его величества». Разносторонняя художественная деятельность Лансере получает признание, и в 1912 году он удостоивается звания академика, а в 1916 году избран действительным

Натюрморт с полотенцем Хаджи-Мурата

членом Академии художеств.

Предреволюционные годы художник провёл в уединении, в деревне Усть-Крестиче, писал пейзажи, обдумывал возможность иллюстрирования «Казачков» Л. Н. Толстого. После революционных событий материальные и бытовые затруднения послужили причиной переезда художника с семьёй на Кавказ, где Евгений Лансере преподавал рисование в гимназии, а затем, с 1920 года — в Тбилиси, здесь художник в течение

двух лет работал рисовальщиком в этнографическом музее, а с 1922 по 1934 год в звании профессора служил в Тбилисской академии художеств.

С 1906 года Лансере занимался не только станковой, но и монументально-декоративной живописью. Им исполнены проекты панно и плафонов для общественных и частных зданий в Москве, Петербурге и Белграде. К 1906 году относится первая монументальная работа художника — панно для

Императрица Елизавета Петровна в Царском Селе. 1905

Большой московской гостиницы. В 1910–1912 годах он написал плафон и фриз для дома Тарасова в Москве, позднее, в 1916–1917 годах вместе с Александром Бенуа подготавливал эскизы росписи зданий Казанского вокзала и Правления Казанской железной дороги.

В 1933 году Лансере переезжает в Москву. Он руководит кафедрой графических дисциплин Московского архитектурного института и одновременно монументальной мастерской Академии художеств в Ленинграде. Как педагог Лансере сочетал широчайшую историко-художественную эрудицию, знание классического и современного искусства со значительным и уникальным опытом практика. Он стремился привить студентам высокую художественную культуру, призывал к повседневной работе с натуры, доброжелательно и тактично руководил молодыми художниками. «Другом молодёжи» называли Евгения Лансере студенты.

В годы Великой Отечественной войны особую значимость в изобразительном

Иллюстрация к повести Л.Н. Толстого «Хаджи-Мурат»

Иллюстрация к книге Е. Балабановой «Легенды о старинных замках Британии»

Взятие шведского укрепления

искусстве приобрела историческая тематика, к которой обратились многие мастера: П. Д. Корин трудился над триптихом «Александр Невский», образы русских полководцев создавал В. А. Фаворский, исторические картины писали М. А. Авилов, А. П. Бубнов и другие художники. Историческую преемственность славных традиций русских воинов, защитников Родины Евгений Лансере воплощает в серии исторических картин «Трофеи русского оружия».

Живописец отображает пять эпох отечественной истории, пять славных страниц летописи защиты чести и независимости Родины: Ледовое побоище, Куликовскую битву, Полтаву, 1812 год и одну из первых, шёл 1942 год, побед советских воинов, группу бойцов у огромных трофейных орудий. Свидетельство высокого патриотизма художника — серия картин «Трофеи русского оружия» осенью 1942 года экспонировалась на выставке «Великая Отечественная война».

Последними темами, над которыми работал влюблённый в жизнь и в созидательный труд художник, были «Победа» и «Мир». Будучи художником с глубоко развитым нравственным чувством, Евгений Лансере уже в молодые годы сформулировал требование к себе как художнику, своего рода нравственную заповедь, которой оставался верен всегда: «Я раньше всего хочу правды, какова бы она ни была». Постоянное стремление к правде — неизменная черта цельного и привлекательного творческого облика Лансере — определило путь художника, ясный и достойный, проникнутый идеей служения народу.

Здравствуй, ГОСТЬЯ-ЗИМА!

Декабрь завершает год, начинает зиму. Не ту, что установилась при слякоти и малоснежье и которую вернее назвать зазимком, а зиму студёную, метелистую, с твёрдым, глубоким снегом. Конечно, и в завершающем месяце года возможны продолжительные оттепели и даже дожди, но общий режим погоды всё равно останется суровым, морозным. К концу первозимья слой снега достигнет 10–20 сантиметров.

Почин декабря. Заканчиваются последние репетиции зимы, и вот уже со дня на день ожидай санного покровопервопутка, удалых морозцев. Пора суровому сезону становиться на ноги, пора оделять подмосковный край снегами да стужей. Сколько же держаться чернотропу и чисто осенним видам! Ведь настают смотрины зимы-чародейки.

Когда выпал пушистый снег, в лесу, в укромном его уголке, послышалось бормотанье тетерева. Весной эта птица токовала яростно, удало, а зимой её голос и позы вялые, вроде бы токует от скуки. Но тетерев приветствует зиму, свежий снег, в котором вскоре будет прятаться на ночёвку. Питаются тетерева берёзовыми серёжками и древесными почками. Чего больше в лесу, тому и рады. Кормёжку устраивают на зорях, располагаясь в тихую погоду на вершинах берёз, в ветреную — на суцьях вполдеревя.

Борами теперь норовит пробежаться кумушка-лиса. Там снег мельче, а стало быть, увертливость зверя ничем не скована. Зайцы-русаки жмутся поближе к селениям, где и сумерничают в зарослях кустарников. Беяки выскакивают на лесные дороги, на чистины и опушки.

Окончательно перелиняли хори и горностаи. Зимний мех этих бодрствующих обитателей густ и тепел. Впрочем, в снежную пору все бодрствующие звери одеты добротной и роскошной. Так велит суровое и по-своему красивое время года. Не сбивает их сезонную ритмику никакая оттепель, будь она даже глубокой и продолжительной.

Ближе к солнцевороту (22-го декабря) — самой яркой астрономической мете декабря — и начнут высказывать себя стужи. День станет светлей и просторней. А всё потому, что солнце не заслоняется тучами и снега ярко сияют. Льды отковываются толстые, прочные. Ну и зима-раскрасавица! Каждое свидание с природой обогащает человека бодростью и здоровьем.

Отойдут несветимые дни, и в солнцеворот великан-лось первый раз поклонится зиме: возьми, матушка-зима, старые рога, ни к чему они сохатому после яростных поединков! И рога сваливаются, но не оба вдруг, а по одному. Вот неделю целую и держит лось голову набок, авось в какой развилке стволов и останется половина костяной короны. Декабрь поможет лосю встретить новый год налегке.

В холода зимой не увидишь ни белок, ни лосей, хотя плотность их в лесу не так уж мала. А всё потому, что в морозные дни белки предпочитают отлеживаться в своих тёплых гнёздах и наружу почти не выскакивают. Лоси же собираются на стойбище. Чуть подозрение какое — трогаются с места, и долой. Не завидел бы кто, не подкрался. Серые хищники обегают лосиное стойбище — не по звам добыча.

«Верю и всегда»

«Расстался я с вами, милые, расстался! Сердце моё привязано к вам всеми нежнейшими чувствами, а я беспреостанно от вас удаляюсь и буду удаляться!» — так начал двести лет назад свои «Письма русского путешественника» Николай Михайлович Карамзин, сделав первые ощутимые шаги к вечной славе, к современнику, который уже никогда не расставался с ним, хотя привязанность эта порой переживала и грустные минуты. Его знали по книгам и в лицо, беседовать с ним считали за честь и монархи, его звезда и поныне сияет над Россией, ибо он был гениальный писатель, нравственный человек и великий патриот.

Родившись в Симбирской провинции (ныне Ульяновская область) в семье отставного капитана в 1766 году, Николай, как сын дворянина, сначала учился дома, потом в Московском пансионе, а уже в 15 лет был определён в Преображенский полк, откуда через два года вышел в отставку поручиком. Начал со-

А. Г. Венецианов. Портрет писателя Н. М. Карамзина. 1928 г.

трудничать в московском журнале «Детское чтение», а потом и редактировать его. Ещё нет и двадцати от роду, а он уже — литератор, переводчик, переписывается с европейски известным философом Лафатером, — словом, определился и с профессией, и с самой судьбой.

В двадцать три года Карамзин уже предпринимает серьёзнейшее путешествие по Европе, и круг интересов его велик и многогранен. Посеще-

ние лекций в Лейпцигском университете и знаменитой Дрезденской галереи, знакомства с писателями... Он старается выяснить секреты процветания Швейцарии, становится свидетелем разразившейся революции во Франции. Природный ум, внешняя красота и внутренняя культура помогли быстро знакомиться с людьми разного положения и профессий, а деловая пытливость — сопоставлять факты, делать обобщения.

Ученик известного просветителя Николая Новикова, Карамзин с пылкостью молодости сначала радовался перевороту в Париже, но когда революция стала сама топить в крови своих противников, будущий историк пережил горькие дни разочарований. Ещё в Германии его зоркий ум отметил: «Признаться, сердце мое не может одобрить тона, в котором господа берлинцы пишут. Где искать терпимости, если самые философы, самые просветители — а они так себя называют — оказывают столько ненависти к тем, которые думают не так, как они?.. Должно показывать заблуждения разума человеческого с благородным жаром, но без злобы».

Карамзин против великих бурь: «Всякое гражданское общество, веками утверждённое, есть святыня для граждан; насильственные потрясения гибельны». Он уверен, что не революция, а просвещение нужно народам для их благополучия. И это — о нас. Разве не отсутствие истинной

В. И. Суриков. Утро стрельцовой казни. 1881 г.

буду верить...»

культуры среди людей — причина многих наших бед? «Берег! Отечество! Благословляю вас! Я в России!.. Всех останавливаю, спрашиваю, единственно для того, чтобы говорить по-русски и слышать русских людей», — с такими словами, на той же высокой писательской и человеческой ноте, что и вначале, возвращается русский путешественник на родину — уже сложившимся человеком и литератором, слава которого скоро облетит всю Россию.

Живое, гибкое слово, естественная эмоциональность повествования «Писем...» — всё это удивляло, подкупало, завораживало... Читатель увидел, что и книги можно писать языком понятным, близким и душевным. Огромной популярностью пользовалась и повесть «Бедная Лиза». История несчастной любви простой крестьянки к светскому молодому человеку, бросившему её на произвол судьбы, хоть и не отличалась новизной сюжета, но была исполнена с таким мастерством, что до сих пор трогает душу читателя образом нежной, доверчивой Лизы, рассказом о её чистой любви к Эрасту. И вот уже в московских семьях новорожденных мальчиков называют именем героя повести. К молодому Карамзину приходит истинная слава. А с ней и её обратная сторона. Не всем по вкусу своеобразие прозы, новизна языка писателя. Одни не понимают новаторской смелости художника слова, другие завидуют его не-

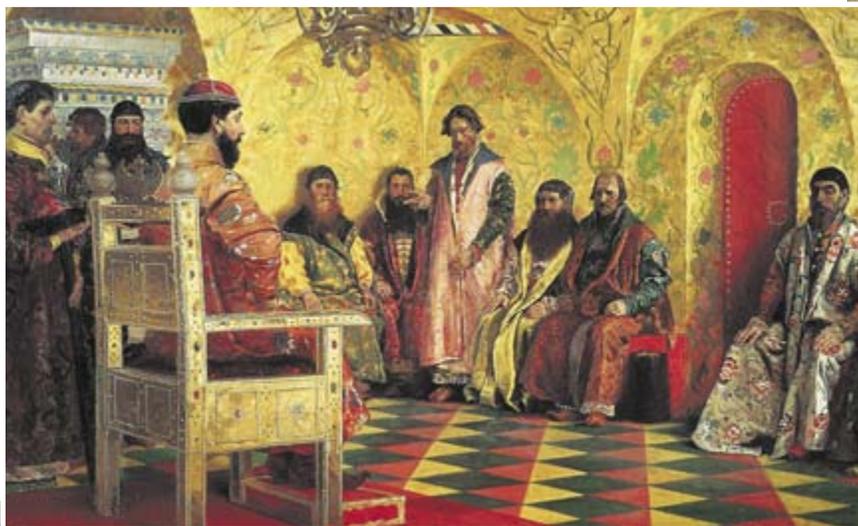
ожиданной и громкой славе. «Не мог дочитать... Дерзновенный дурак... Одержим горячкой... Быв ещё почти ребёнок, он дерзнул предложить свои сочинения публике». Вот только одна из многих «оценок» в тогдашней прессе, которые, конечно, портили настроение, но не могли уже заставить свернуть писателя с выбранной им дороги.

Осенью 1803 года Александр I издаёт указ о назначении Карамзина на должность историографа с хорошим жалованьем — две тысячи рублей в год. Это означало навсегда уйти с головой в историю. Когда за плечами — не только слава, но и 37 лет жизни. Пушкинский рубеж. Это был большой риск. И писатель пошёл на него сознательно. Примериваясь к новой задаче, он пишет исторические повести «Марфа-посадница» (борьба новгородцев за независимость) и «Наталья, боярская дочь» (о драматической любви двух молодых людей эпохи царя Алексея Михайловича). Но душа созревшего

таланта жаждет крупных характеров, героических событий. И Карамзин убеждает себя и других: «Больно, но должно по справедливости сказать, что у нас до сего времени нет хорошей Российской истории, то есть писанной с философским умом, с критикою, с благороднейшим красноречием... Говорят, что наша История сама по себе менее других занимательна: не думаю; нужен только ум, вкус, талант. Можно выбрать, одушевить, раскрасить; и читатель удивится, как из Нестора, Никона и проч. могло выйти нечто привлекательное, достойное внимания не только русских, но и чужестранцев».

И началась долгая работа литератора и гражданина, равная подвигу. Уже в следующем году был написан первый из двенадцати томов «Истории государства Российского», посвящённый древнейшей жизни славян. Годы спустя Пушкин напишет: «Древняя Россия, казалось, найдена Карамзиным,

Собор Русская слава при Иване IV

как Америка — Колумбом». И хотя прежде писали об истории страны — и Василий Татищев, и Михаил Щербатов, нужен был талант Карамзина, его слава и влияние на умы, чтобы «все, даже светские женщины, бросились читать историю своего отечества... Несколько времени ни о чём ином не говорили» (Пушкин).

Два десятилетия с лишним читающая Россия ждала новых исторических картин, выходящих из-под пера вдохновенного мастера, спорила с ним, иногда охладевала к автору, а потом снова возвращалась, открывая для себя прошлое страны, сопоставляя его с настоящим, примеряя былые страсти к современности. Сегодняшние читатели в большинстве своём впервые знакомятся с уникальнейшим произведением Карамзина, где на основе летописных фактов художественно претворена многовековая история России. Но только ли история? Карамзин помогает нам и нынче, показывая, чем может окончиться разгул безнравственности, воровства, политических игр, и главное — как опасен вирус неверия в себя, в тех, кто ведёт нас; наконец, в силы своего отечества!

«Сие внутреннее беспокойство души, неизбежное для преступника, обнаружилось в царе несчастными действиями подозрения, которое, тревожа его, скоро встревожило и Россию». И дальше: «...слуги доносили на господ, иноки, попы, дьячки, просвирицы на людей всякого звания, — самые жёны — на мужей, самые дети — на отцов, к ужасу человечества!» Пришла беда — открывай ворота, и в неурожайный 1601 год «хитрые корыстолюбцы обманом скупали дешёвый хлеб в житницах казённых, святительских, боярских, чтобы возвы-

В. М. Васнецов. Царь Иван Васильевич Грозный. 1897 г.

шать его цену и торговать им с прибытком бессовестным; бедные, получая в день копейку серебряную, не могли питаться». Следующие за тем картины голода, приводимые писателем, настолько ужасны, что в данном случае лучше их обойти стороной.

Дойдя в описании до грядущего развала России, связанного с падением Годунова, человеколюбивый Карамзин с болью в сердце сам выносит свой приговор: «Если, как пишут очевидцы, не было ни правды, ни чести в людях; если долговременный голод не смирил, не исправил их, но ещё умножил пороки между ими: распутство, корыстолюбие, лихоимство, бесчувствие к страданию ближних; если и самое лучшее дворянство и самое духовенство заражалось общею язвою разврата, слабея в усердии к отечеству от беззаконий царя, уже вообще ненавистного, то нужны ли были иные чудесные знамения для устрашения России?» И дальше: «Оставим суеверие предкам; его мнимые

ужасы не столь разнообразны, как действительные в истории народов». Сурово, но правдиво. Не только впечатляет, но и предостерегает.

Николай Михайлович Карамзин не только помог русским понять и полюбить своё прошлое, он был и остаётся нравственным ориентиром для всех нас, той звездой, что выведет путника из любой непогоды.

В память о своём великом земляке в Ульяновске (бывшем Симбирске) по проекту скульптора Гальберга установлен удивительной красоты памятник, которому уже 170 лет! Работа велась не скоро, был объявлен сбор средств, и вот, наконец, в 1845 году славный образ Карамзина навеки прописался в этом городе. Надпись на пьедестале гласила: «Н. М. Карамзину историку Российского государства повелениемъ императора Николая I-го 1844 годъ».

Литературный и гражданский авторитет Николая Михайловича почитался настолько высоко, что даже грозные бури прошлого века не поколебали это уважение земляков к прославленному писателю. Хотя в 1931 году местные «рыцари» революции не раз и не два покушались на замечательную красоту памятника. И даже один гражданин, стремясь показать свою лояльность властям города, написал в газете: «...имею указать на крупный кусок (цветного) металла в «бросовом состоянии» в Ульяновске. Это статуя из меди в Карамзинском саду... Статуя должна быть снята и употреблена на подшипники...» Однако истинные патриоты города отстаивали памятник одному из достойнейших сынов Отечества.

Будем же помнить и мы о нём — во всех землях российских.

НЕ БЫЛО БЫ СЧАСТЬЯ...

Была у меня в детстве мечта побывать на главной ёлке нашего города, которая проводилась в дни зимних школьных каникул в областном драматическом театре. Попасты на неё можно было по билетам, которые выдавали бесплатно родителям в профсоюзных организациях по месту работы. Дети, у которых было много работающих родственников, ходили на эту ёлку по несколько раз. В нашей маленькой семье билет принести могла только мама. Им в больнице на отделение выделяли всего несколько билетов — медицина и образование в нашей стране всегда обеспечивались по остаточному принципу, — и доставались они, как водится, начальству, а до рядовых медсестёр не доходили.

Каждый Новогодний праздник я мечтал получить заветный билет, просил маму сказать тем, кто их выдаёт, что я круглый отличник, что за учёбу и примерное поведение меня награждали почётными грамотами, валенками и даже отрезом вельвета, из которого бабушка сшила мне курточку. Но каждый год мама смущённо отводила глаза, сообщая, что ей дали для меня приглашение только на их больничную ёлку. И тогда я бежал к театру. По обрывкам разговоров родителей, ожидавших малышей, ребят, выходявших из театра, я составлял представление об этом празднике жизни, чтобы позже участвовать на равных в беседах одноклассников о проведённых каникулах. Признаться им в том, что я ни разу не был на ёлке в драмтеатре, я не мог.

Так продолжалось до 5-го класса, пока не случилось то, что определяется пословицей: «Не

Тихий Иван Антонович. «Для тебя и твоих друзей ежегодно сияет ярким светом ёлка в Кремле» 1956 г.

было бы счастья, да несчастье помогло». Простудилась и заболела соседская девочка, и её родители отдали билет на утренний сеанс мне. Я с трудом верил в своё счастье и, стыдно признаваясь, молил Бога, чтобы Юлька не выздоровела раньше, чем я схожу в театр.

Готовиться я начал ещё с вечера, замучив маму и бабушку своей колготней. Утром, вскочив ни свет ни заря, я отправился в театр, радуясь, что теперь-то я уж точно попаду на новогоднее представление, которое я так живо представлял по рассказам других. И не беда, что придётся часа полтора побегать вокруг театра и по театральной площади. Столько лет я делал это просто так, а тут в ожидании настоящего чуда.

Наконец двери театра раскрылись, и я одним из первых вошёл

в вестибюль. Большинство ребят знали, где находятся раздевалка и туалет, где зал с ёлкой и аттракционы, где зрительный зал. Для меня же всё было впервые, всё казалось новым и необычным. До этого я ходил с классом только в кукольный театр и в ТЮЗ.

Представление у ёлки с Дедом Морозом, Снегурочкой и сопровождавшими их героями сказок произвело яркое впечатление. Я с удовольствием водил хороводы, пел и танцевал вместе с малышами, чем снискал симпатию актёров, уставших веселиться и веселиться за всех гостей. Но самым интересным в программе Новогоднего праздника был, конечно, спектакль по моей любимой сказке «Золушка». Его я помню и сейчас, хотя прошло с тех пор много десятилетий.

Лидия Чарская
Художник Г. Лопачёва

В густом бору стоит красивая, пышная, молодая ёлочка... Соседки-подруги с завистью поглядывают на неё: «В кого такая красавица уродилась?..» Подруги не замечают, что у самого корня ёлочки вырос отвратительный, уродливый сук, который очень портит нарядную молодую ёлочку. Но сама ёлочка знает про этот сук, больше того — она ненавидит его и всячески горюет и сетует на судьбу: за что она наградила такой безобразной веткой её — стройную, хорошенькую, молодую ёлочку?

Подошёл сочельник. Дед Мороз с утра нарядил ёлки пышной снежной фатой, осеребрил их инеем — и стоят они разукрашенные, как невесты, стоят и ждут... Ведь сегодня великий день для ёлочек... Сегодня придут за ними в лес люди. Срубят они ёлочки, отвезут их в большой город на рынок... А там станут покупать ёлочки в подарок детям.

И красавица-ёлочка ждёт своей участи... Ждёт не дождётся, что-то её ожидает?

Вот заскрипели полозья, показались тяжёлые крестьянские сани. Из них вышел мужик в тёплом полушубке, с топором, заткнутым за пояс, подошёл к ёлочке и со всех сил ударил топором по её стройному стволу.

Ёлочка тихо охнула и тяжело опустилась на землю, шурша своими зелёными ветвями.

ДВЕ ЁЛКИ

— Чудесное деревцо! — произнёс старый лакей Игнат, со всех сторон оглядывая красавицу-ёлочку, только что купленную им на рынке по поручению хозяина, богатого князя, для маленькой княжны.

— Знатная ёлочка! — проговорил он.

И вдруг глаза его остановились на корявом сучке, торчавшем совсем не к стати сбоку нашей красавицы.

— Надо сровнять дерево! — произнёс Игнат и в одну минуту отмахнул топором корявую ветку и отшвырнул её в сторону.

Красавица-ёлочка облегчённо вздохнула.

Слава богу, она избавлена от безобразной ветки, так портившей её сказочную красоту, теперь она вполне довольна собою...

Лакей Игнат ещё раз заботливо оглядел со всех сторон ёлочку и понёс её на

верх — в огромную и пышно обставленную княжескую квартиру.

В нарядной гостиной ёлочку окружили со всех сторон, и в какой-нибудь час она преобразилась. Бесчисленные свечи засияли на её ветвях... Дорогие бонбоньерки*, золотые звёзды, разноцветные шары, изящные безделушки и сласти украшали её сверху донизу.

Когда последнее украшение — серебряный и золотой дождь заструился по зелёной хвое ёлочки, двери залы распахнулись, и прелестная девочка вбежала в комнату.

Ёлочка ожидала, что маленькая княжна всплеснёт руками при виде такой красавицы, будет в восторге прыгать и скакать при виде пышного деревца.

* Бонбоньерка — коробочка для сладостей. (Ред.)

Но хорошенькая княжна только мельком взглянула на ёлку и произнесла, чуть-чуть надув губки:

— А где же кукла? Я ведь так просила папá, чтобы он подарил мне говорящую куклу, как у кузины Лили. Только ёлка — это скучно... с нею нельзя играть, а сладостей и игрушек у меня и без неё довольно!..

Вдруг взгляд хорошенькой княжны упал на дорожную куклу, сидевшую под ёлкой...

— Ах! — радостно вскричала девочка, — вот это чудесно! Милый папá! Он подумал обо мне. Какая прелестная куколка. Милая моя!

И маленькая княжна целовала куклу, совершенно позабыв о ёлке.

Красавица-ёлка недоумевала.

Ведь гадкий, так обезобразивший её сучок был отрублен. Почему же она — пышная, зеленокудрая красавица — не вызвала восторга в маленькой княжне?

А корявый сучок лежал на дворе до тех пор, пока к нему не подошла худая, измученная повседневной тяжёлой работой бедная женщина...

— Господи! Никак ветка от ёлочки! — вскричала она, стремительно наклонившись над корявым сучком.

Она бережно подняла его с земли, точно это был не корявый сучок, а какая-то драгоценная вещица, и, заботливо прикрывая его платком, понесла в подвал, где снимала крохотную каморку.

В каморке, на ветхой постели, прикрытой старым ватным одеялом, лежал больной ребёнок. Он был в забытии и не слышал, как вошла его мать с ёлочной веткой в руках.

Бедная женщина отыскала в углу бутылку, воткнула в неё корявую ёлочную ветку. Затем она достала хранившиеся у неё в божнице восковые огарки, принесённые ею в разное время из церкви, старательно прикрепила их к колючей ветке и зажгла.

Ёлочка загорелась приветливыми огоньками, расширяя пространство вокруг себя приятный запах хвои.

Ребёнок внезапно открыл глаза... Радость засветилась в глубине его чистого, детского взора... Он протянул

к деревцу исхудалые ручонки и прошептал, весь сияя от счастья:

— Какая милая! Какая славная ёлочка! Спасибо тебе, родная моя мамочка, за неё... Мне разом как-то легче стало, когда я увидел милое зажённое деревце.

И он протягивал ручонки к корявому сучку, и корявый сучок мигал и улыбался ему всеми своими радостными огоньками. Не знал корявый сучок, что доставил столько радости бедному больному в светлый Рождественский сочельник.

Олег Трушин

Величайший в мире город:

ОЛОНЕЦ

Чем примечателен Олонец? Знаменит гусяными полями, что в окрестностях города, именно на них останавливаются в пору весенней миграции тысячи тысяч диких гусей. «Туту нас в мае на каждом квадратном метре по дюжине гусей», — услышал я от одного олончанина. Еще в Олонце вам расскажут о том, что их город самый карельский и что именно тут и есть родина карельского Деда Мороза — Паккайне. Ведь недаром в Олонце ежегодно проходит праздник Деда Мороза, куда съезжаются Деда Морозы со всей России и конечно же из дружественной Финляндии. Состязаются в ловкости и умении. Обмениваются своими новостями. Хороший праздник. Дружный.

Ещё примечателен Олонец тем, что помог стать Михаилу Пришвину писателем — первая книга нашего замечательного писателя-натуралиста «В краю непуганых птиц» о земле Карелии, об Олонце.

А вот мне Олонец приглянулся своим размахом — на большое расстояние тянется город. Примечателен и своими деревянными домишками, словно Олонец — город-деревня. А ещё поразил Олонец удивительной рекой Олонкой, что развела — разделила город на две части. Но обо всех этих достопримечательностях по порядку.

О городе Русского Севера Олонце я услышал впервые ещё в школьные годы — тут жил известный русский поэт Серебряного века Николай Клюев. А вот побывать в Олонце посчастливилось лишь спустя три десятка лет после своего первого знакомства с этим городом на уроках литературы.

Основной Олонец — это старая его застройка, та, что тянется по обоим берегам живописной реки Олонки. Кстати, о реке. Олока тут — главная достопримечательность. Во-первых, оттого что поделила улицу своими берегами. Во-вторых, что очень красива — ни широка ни узка, что называется, в самую меру. Извилиста в своем течении, спокойна. Берега чистые. А в-третьих, жизнь крепко сроднила олончан с рекой: у берегов лодки купающаяся детвора. Давно уже не видел, чтобы в речной водице по старинке бельё полоскали, а тут пожалуйста. Значит, водица пригожая, ухоженная. Да и чувствуется, берегут олончане свою реку — в чистоте содержат. По Олонке ещё и кувшинки цветут — где такое в черте города увидишь? Олонцкие гуси — это визитная карточка города. Олончане быстро уяснили, в чём дело, и закрепили свой местный «гусяный» праздник на высоком уровне. Теперь «гусяный» праздник в Олонце — народное достояние. Много-

численные гусиные караваны на олонецких полях — разве не повод для торжеств? Где такое ещё увидишь? В честь «гусиного» праздника устраивается в Олонце и богатая ярмарка и даже гусиные игрища-бега придумали. Съезжается в мае в Олонец люд со всей России посмотреть на шумный праздник. А в Олонецком музее видел забавную детскую игрушку — деревянный гусь-каталка: на деревянное колёсико набита красного цвета резина, вырезанная в форме гусиных лапок. Катит такую игрушку ребёнок и словно за гусем бежит. С детства приучают: в «гусиной столице» живёте! И это хорошо! Связь с природой, с особенкой малой родины должна прививаться сизмальства.

А самое главное, наверное, то, что река дала имя городу. В 1649 году, во времена царствования Алексея Михайловича, в местечке слияния рек Олонки и Мегреги и возник город — крепость Олонец. Макет того самого Олонецкого кремля можно увидеть в национальном музее города. Олонецкий кремль был построен в самых лучших традициях обустройства военных крепостей того времени. Тут и сторожевые башни — их было 19, к примеру, Московский Кремль имеет 20 башен. Башни были соединены дубовыми стенами. Олонецкий кремль в ту далёкую пору должен был «беречь» Русское государство на северо-западных рубежах. И Олонецкий кремль не подводил русского царя, исправно служа Отечеству. Посещали Олонец и русские цари. Может Олонец похвастать тем, что в нём не единожды бывал сам Пётр Великий.

До Северной войны Олонецкая крепость сдерживала боевой порыв шведов да польско-литовских войск в Смутное время. Долгое время Олонец был центром всей Карелии, покауда не вырос на берегах Онего-озера город Петрозаводск. Посмотрите на сегодняшнюю карту Карелии и непременно увидите:

Олонец так и остался единственным крупным населённым пунктом на юге Карелии.

Там, где раньше стоял Олонецкий кремль, сегодня пустырь — время уничтожило деревянные постройки кремля, оставив лишь дробную память олончан о нём.

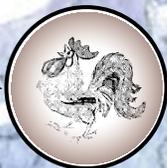
В самом начале своего очерка я обратил внимание на то, что река Олонка делит город на право- и левобережную части. А как же олончанам на противоположный берег добираться? На лодке — это понятно, а если пешком, то для этого существуют специальные деревянные подвесные мосты. Их в Олонце несколько. Есть те, что выстроены много лет назад. А есть и новоделы — точная копия тех старых олонецких деревянных мостов. Дерево для карелов — особый материал. Из дере-

ва строили храмы и дома, «выстругивали» посуду, наводили мосты. С первого взгляда может показаться, что такие подвесные мосты очень зыбкие, непрочные. Мост действительно кажется «живым» — при каждом шаге колыхается, «играет», словно вот-вот обрвётся... Но нет — мост надёжен и крепок и рассчитан своей жизнью на долгие годы.

В давние времена, когда Олонец был столицей карельского края, это был купеческий город. Много торговых путей сходилось в нём. И был бы Олонец таковым ещё долгие годы, если бы не «прорубленное» Петром Великим «окно в Европу» и не строительство на Онеге «пушечного града» с петровскими заводами. И стал постепенно превращаться Олонец в тихий северный городок. Тишина Олонца впечатляет. Мы привыкли и к городу шумному, суетному. А тут тихо! Слово берегут тишину олончане. Тишина Олонца — особая достопримечательность!

Вот такой он, Олонец — город тишины Русского Севера, «гусиный град» и «столица карел-ливвиков». Приедете на берега Олонки — загляните в Олонец. Подивитесь естественной красотой этого русского города.

Семейный праздник

Накануне Нового года старый самовар загрузил, перестал фыркать и кипятиться. Его поспешно заменили молодым чайником. А самовар отправили на дачу дожидаться весны.

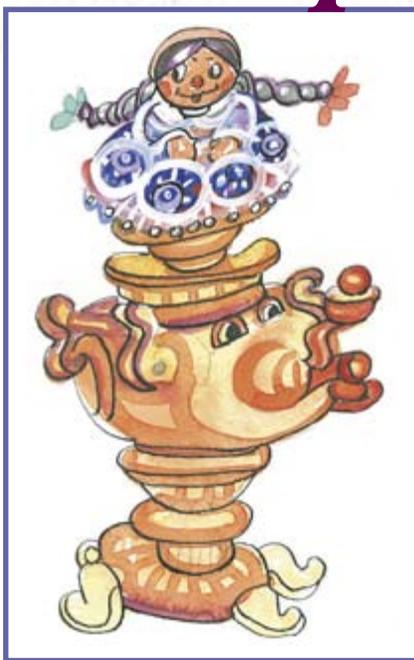
Сначала старый самовар даже обрадовался свежему воздуху и сельским пейзажам. Но ему не понравилось жить в пустом доме.

«Ни родных, ни знакомых, — рассуждал самовар, наблюдая через окно за снежинками и облаками. — Зачем мне Новый год?»

Тридцать первого декабря снежинки кинули ему в форточку письмо без конверта.

— Нахальство, какое! — возмутился самовар. — Реклама, наверное, или адресом ошиблись...

Конечно, из любопытства, он прочел: «На встречу Нового года приглашаются старинные самовары в любом состоянии, по адресу: ...». Самовар задумчиво фыркнул. Праздник устраивал-

ся совсем рядом, через два дома по Кленовой аллее. «В любом состоянии», — пробурчал самовар и посмотрел в зеркало.

В молодости своей фигурой он походил на изящную вазу. Его так и называли: Самовар — Ваза. Он любил природу, особенно розы. Ручки самовара и рукоятка его крана напоминали извилистые стебельки цветов... А теперь, от одиночества и

мрачных мыслей, самовар потемнел и был похож на заброшенный розовый куст в ненастную погоду. «Неужели я кому-то нужен?» — подумал самовар.

Тихонько вздыхая, старый самовар вышел из дома и отправился на праздник. Самовар-Ваза редко бывал на улице и без труда заблудился бы даже в собственном дворе. Но, вездесущие снежинки, подпрыгивая и кружась в воздухе, проводили самовар по нужному адресу. Это был большой дом с необычайно искрящимися окнами. «Где они такие лампочки нашли?» — удивился самовар, с грохотом поднимаясь на крыльцо. Дверь распахнулась... И зимний вечер наполнился теплым весёлым мерцанием. Мысленно Самовар-Ваза уже подготовился к празднику в чужой компании. А оказался исключительно в родной семье самоваров! Он никогда не видел столько родственников сразу! Там

были и маленькие и большие, изящные и пузатые, серебристые и золотистые. Теперь Самовар-Ваза понял причину яркого света. Это сияли его родственники!

— Шагом марш к столу! Скоро Новый год! — хриплым голосом скомандовал невысокий кряжистый Самовар-Солдатский. Из военной формы у него имелся только ремень, и Самовар-Солдатский им очень гордился.

— А я требую себе отдельный столик! — заикарился самовар Эгоист. Ему было сто пятьдесят лет. Но хорошо вести себя в обществе Эгоист не успел научиться. Вскипятить воду он мог только для одной чашки чая и не любил гостей.

— Я тебе сейчас ка-а-ак двину по крышечке! На чердаке Новый год встретишь! — Медный Самовар-Бочонок надвинулся на Эгоиста и обдал его горячим паром.

— Братики! Не вздумайте подраться! — испугался Самовар-Фарфоровый, расписанный васильками и красными пионами. — Я разбиться могу!

— Ну и что? — пренебрежительно заметил мельхиоровый Самовар-Кофейник. Он считал себя самым талантливым, из-за того, что мог приготовить кофе. — Кто о тебе сокрушаться будет, Фарфоровый? Ты вооб-

ще не из нашей семьи! Не металлический, какой-то...

— Ах, я вам не родня, что ли? — обиделся Самовар-Фарфоровый. — Работаю, как все! Воду грею! Да, я самый красивый среди вас, железные каракатицы...

— Я, между прочим, серебряный! — возмутился Самовар-Парадный. — У меня вся фигура в медалях и украшениях. На любом празднике, я — в центре стола. Я вам не какой-нибудь «простачок». — И он покосился на старый незатейливый самовар, который все называли «Самокипень» за его сложный характер.

— Ты на кого покосился, медалист?! Гуделка бестолковая! — во весь дух нагрелся Самокипень. — Я, конечно, простой самовар, бижутерию не ношу, но задать тебе жару сумею. Без коврижки со стола дрёпнешься! И потемнеешь!

— Братья! Остыньте немного, а то я вас за секунду по разным углам доставлю! — запыхтел Самовар-Паровоз. Он был похож на игрушечный паровозик, даже вместо ножек у него были колёса. И он всегда скучал по железной дороге.

Самовар-Ваза почувствовал, как к нему возвращается грусть. «Лучше бы я на своём подоконнике остался», — подумал Самовар-Ваза.

— Зачем вы все перессорились? — всхлипнул маленький Самовар-Детский. — А как же семейный праздник? Управы на вас нет...

— А я на что? Забыли прабабушку? — раздался глуховатый, но крепкий голос. В воздухе запахло щами и гречневой кашей. Старинная Самовар-Кухня, опираясь на черпак, перешагнула порог дома.

— Здравия желаю! Ура! — громыхнул Самовар-Солдатский.

— Бабуля! — обрадовался Самовар-Фарфоровый. — Теперь у нас жизнь наладится!

— Как же вы из своего музея добрались, родная? — засвистел Самовар-Паровоз. — На дорогах сплошные пробки! Сообщили бы мне, я бы вас с блеском доставил!

— А, она нам точно «родная»? — засомневался само-

вар Эгоист. — Туловищем, конечно, похожа, но у неё крана с рукояткой нету!

— Это ты нам «двоюродный!» — вскипел Самокипень. — А бабуля — родная! В ней два отделения. Она обеда готовит! Зачем ей кран? А черпак — в самый раз!

— И кофе может приготовить? — робко поинтересовался Самовар-Кофейник.

— Ты свои обязанности на бабулю не перекладывай! — рассердился Боченок. — Иначе я тебя быстро с Эгоистом на чердак отправлю!

— Я бы предпочёл один пойти куда-нибудь, — обиделся Эгоист.

— Разве так можно? — вздохнула Самовар-Кухня. — Мы — семья! Любить и беречь друг друга надо.

— И вместе праздники встречать! — зазвенел Самовар-Детский.

— Залезайте на стол! — скомандовал Самовар-Солдатский. — А-то нагреться не успеем!

На столе, когда все поздравляли друг друга с Но-

вым годом, Самовар-Ваза случайно заметил своё отражение в лучезарных родственниках. Теперь он уже не напоминал старый заброшенный куст, а стал таким же красивым и светлым, каким был в молодости. «Семья — великая сила!» — подумал Самовар-Ваза.

О & Ашипки

Капитан Тушин был маленького роста, поэтому французские ядра не могли в него попасть.

«Хоть одним глазком взгляну на Париж...» — мечтал Кутузов.

Глаза княжны Марьи стали грустными и печальными, и из них выкатилось горе.

Князь Андрей женился на Лизе, страшной, как серая мышь.

Как и Андрей Соколов, Андрей Болконский прошёл войну, был захвачен в плен, и потерял на войне свою молодую жену Лизу.

Во время войны 1812 года Толстой рисует Наташу совсем уродливой, с большим ртом.

Болконский заставляет свою дочь учиться грамоте, несмотря на то, что она ей не нужна.

Болконский после измены Наташе Ростовой долго не мог оправиться. Он оправился только после того, как подъехал к дубу.

Весь народ слился в одном лице Кутузова.

Примета

БУХТИНЫ

На вокзал я шёл пешком.

Был яркий февральский день. Солнце уже пригревало. Мне было жарко, и я расстегнул пальто. Хотел у шапки завязать тесёмки наверху, но тут же спохватился. Уши! Мои оттопыренные уши будут у всех на виду. И я, наоборот, ещё туже затянул тесёмки под подбородком.

О, что я только не делал со своими ушами, чтобы они не торчали так в разные стороны! И прижимал что есть силы руками, когда делал уроки, и вдавливался в подушку, когда ложился спать, и даже стягивал их ремнём, когда оставался один в комнате. Ничего не помогало! Только краснели и ещё больше оттопыривались.

Раньше на свои уши я не обращал внимания. И никто не обращал на них внимания. Но вот в сентябре в нашем классе появился новый ученик — Поликарпов. Как-то на уроке русского языка он хлопнул меня сзади по плечу и сказал: «Убери свои локаторы, доски не видно!» Все засмеялись. А я замер: я вдруг почувствовал, как мои уши начали распухать. «Смотрите, смотрите, засветились!» — продолжал Поликарпов. Весь класс так и грохнул. «В чём дело, дети?» — спросила учительница.

В чём дело... А дело в том, что я в этот самый момент из человека с именем и фамилией превратился в Локатора!

И началось. «Эй, Локатор, в футбол будешь играть?» — «Эй, Локатор, дай списать!» И даже при учительнице... «Кто у нас сегодня дежурный?» «Локатор!» — кричали в классе. Я злился, кидался драться, но это ещё больше забавляло ребят.

Пока меня дразнили в классе, я ещё терпел. Но вскоре я стал Локатором и в нашем дворе. А когда начали обзываться и девчонки, я сказал себе: «Хватит!» — и решил бежать в деревню, к бабушке.

Вспоминая свои обиды, я дошёл до Комсомольской площади. На Казанском вокзале я отыскивал свободное место

на скамье поближе к выходу на перрон и сел рядом со старушкой.

Я не думал — на каком именно поезде должен был ехать. Мне сейчас стыдно признаться, но тогда я был уверен, что все поезда идут в одном направлении — к нашей деревне. Главное — не пропустить свою станцию, Старожилово. И я без конца повторял про себя: Старожилово, Старожилово, Старожилово...

В общем, я уснул. Мне снилось, как я выхожу из вагона, как иду по дороге, которая тянется среди лугов. А вот и наша деревня. Меня встречает бабушка. «Здравствуй, Володенька!» — говорит она и гладит по голове. Тут и все мои деревенские приятели прибежали. И все называют меня по имени. И никто не обзывается. Потому что у всех в нашей деревне такие же оттопыренные уши. Даже у председателя колхоза Петра Ивановича.

Проснулся я оттого, что меня трясли за плечо. Придя в себя, я увидел толпу пассажиров и старенького милиционера. Он стоял прямо передо мной и довольно улыбался.

— С приездом вас! Здрасьте! Наше вам почтение! Мать избегалась вся — куда, мол, сыночек подевался? А он, вишь, как ловко устроился... А я сначала и не заметил. Уж больно они с бабушкой сладко спали. А как шапка-то у него съехала, тут уж я сразу понял — он! Потому как уши мамаша мне их точно обрисовала. Примета! — важно заключил милиционер.

УЧАЩИЕСЯ ШКОЛЫ № 1861
«ЗАГОРЬЕ» ГОРОДА МОСКВЫ
ВМЕСТЕ СО СВОИМ УЧИТЕЛЕМ
АЛЕКСАНДРОМ ОРЛОВЫМ
ПОСЕТИЛИ СВЯТО-ПАФНУТЬЕВ
БОРОВСКИЙ МОНАСТЫРЬ
КАЛУЖСКОЙ ОБЛАСТИ
И ПОДЕЛИЛИСЬ ВПЕЧАТЛЕНИЯМИ
С «ДЕТСКОЙ РОМАН-ГАЗЕТОЙ».

Анна ПАНОВА, 7 класс «К»

В первые каникулярные выходные мы с классом посетили Свято-Пафнутьев Боровский монастырь. Это очень красивое и величественное место. Монастырю уже более пятисот лет. Он был основан в 1444 году Преподобным Пафнутием Боровским. Мы поднялись на колокольню. Внутри этой постройки были изображены невосстановленные фрески. С колокольни открывается умопомрачительный вид. Мы рассмотрели всю территорию монастыря, а также многие другие церкви, расположенные вокруг Боровска. Когда мы вошли в главный храм, меня посетило непередаваемое чувство восторга. Внутри на чудотворных иконах Богородицы были размещены украшения людей, эти человеческие дары были пожертвованы в благодарность за исцеление, помощь, покровительство. Этих украшений было такое большое количество, что даже не все удалось повесить. Мне очень понравилась Калужская земля, которая является малой частью нашей Родины. Я бы с удовольствием побывала здесь ещё!

Виктор ЛЕРМАН, 7 класс «К»

На уроках истории мы только закончили проходить период Смуты. И наша экскурсия в монастырь святого преподобного Пафнутия Боровского стала наглядным продолжением уроков. Я увидел место гибели русских людей от польских отрядов Лжедмитрия II. Ещё один самозванец хотел напасть на Москву, но было препятствие — Боровск, а точнее, монастырь-крепость святого преподобного Пафнутия. Войско самозванца состояло из польских отрядов. Люди, увидев полчища интервентов в окрестностях Боровска, сразу же спрятались за монастырские стены. За ними хватало провизии и боеприпасов, чтобы защищаться, но нашлись два предателя, которые открыли ворота. Память об этой подлости есть и в наши дни, я видел с колокольни монастыря башню измены. Обезумев-

шие польские захватчики сразу же ринулись вовнутрь. Там, где я стоял, было всё в крови, всё в человеческих телах, люди лежали друг на друге и издавали стоны.... Такие поездки передают не только дух того времени, но и боль... А ведь эти стены видели ещё наполеоновских захватчиков, фашистских оккупантов, разрушителей из карательных органов... Я хочу, чтобы никогда такого больше не повторялось в моей России, и вообще, нашей планете.

Софья КУЧЕРОВА, 7 класс «К»

Потрясающая поездка в окрестности Боровска осталась ярким воспоминанием в моей жизни. Организаторами поездки были наш классный руководитель, моя мама и мама моей подруги. Путь до монастыря был долгим, но красота места, где расположен монастырь, скрасило всё. Нас встретил экскурсовод Сергей Власов, который познакомил нас с достопримечательностями монастыря. Мы были не только на колокольне, но и в главном соборе Рождества Пресвятой Богородицы, у мощей преподобного Пафнутия, видели келью победителя музыкального конкурса «Голос» иеромонаха Фотия. Но меня и всех поразила трапезная, где мы обедали! Весь обед батюшка Сафроний читал молитвы. Молитву читали до и после обеда. В этот день был мой день рождения. Одноклассники поздравили меня, а я угостила их сладостями. Погода в тот день тоже поздравляла меня. Солнце светило как никогда ярко, пели птицы, а листья на деревьях танцевали жёлто-красный танец под музыку ветра. Отличный день, проведённый в окружении своих друзей.

Яна УВАРОВА, 10 класс «Б»

На осенних каникулах я вместе с другими учениками школы побывала в тихом живописном месте, где располагается древняя обитель, основанная в середине пятнадцатого века святым преподобным Пафнутием Боровским — Свято-Пафнутьев Боровский монастырь. История монастыря неизменно переплетается с историей государства Российского, развитием русской культуры. Но наибольшее впечатление на меня произвели некоторые события, имевшие место в этой обители, про которые мне и ребятам рассказал Сергей Власов. В семнадцатом веке Боровский монастырь был превращён в пограничную крепость, этот суровый и защитный облик сохранён до сих пор. Как мы узнали, в возведении стен и башен

участвовал знаменитый градоделец Федор Савельевич Конь. В 1610 году во времена Смуты, озлобленный Самозванец Лжедмитрий II, известный как Тушинский вор, продвигаясь с продажными казаками, поляками и литовцами, опустошил обитель, привел её в крайнее разорение. На колокольне мы стояли и внимательно смотрели на монастырские пределы и окружающие леса и поля. Казалось мы видим, как русские войны, монашествующие, послушники, беглецы-жители окрестных деревень, находившиеся в монастыре, заполняют всё вокруг. Их помнят стены, купала, кресты, колокола, небо.

Елизавета ВОЛОДИНА, 9 класс «К»

...Поднявшись на колокольню, со страхом упасть по крутой лестнице, нас удивил ещё один изумительный вид монастыря и самого города. Сине-голубое небо идеально дополняло осенний лес, распростёртый перед нами. Прозвенели колокола.

Войдя внутрь главного храма, меня охватило непонятное чувство. В церкви сладостно пахло ладаном и свечами, небольшие огоньки горели в многочисленных лампадках. Все, кто был с нами на экскурсии, выстроились в очередь, чтобы подойти к мощам святого преподобного Пафнутия Боровского и попросить или поблагодарить его о чём-то своём. Возможно, кто-то просил о здоровье родителей, кто-то просил смирения и терпения, кто-то помощи в учёбе, теперь мне остаётся только гадать, о чём думал в церкви каждый из нас, но было видно, что никто из нас не проявлял безразличия. Выйдя из церкви, мы направились в трапезную. Помолвившись, мы приступили к обеду. Во время трапезы мы слушали Жития Святых и молитвы. Покушав очень вкусный суп и прелестные булочки, которые пекут служители церкви, мы отправились на самостоятельную прогулку по пределам монастыря. Большинство из нас, в том числе и я, отправились в церковную лавку за сувенирами родителям, сёстрам, братьям, учителям. Ребята показывали друг другу иконы, молитвословы, повествования о Боровском монастыре, о преподобном Пафнутии, календарики... На часах около пяти вечера. Пора отправляться домой. Вернувшись на свои места в автобусе, мы тронулись домой. Уставшие, но восторженные от очарования экскурсии, мы ещё долго вспоминали Рождества Богородицы Свято-Пафнутиев Боровский мужской монастырь.

Дарья Маркина, 17 лет, Одинцово
Волшебные снежинки

В воздухе парили большие и увесистые хлопья декабрьского снега. Вечера в последнее время выдавались всё более снежными и бархатистыми: хотелось укутаться в пуховик и гулять, гулять, заворожённо поглядывая на выбеленные питерские улочки. Я вышла на улицу впервые за долгое время и только сегодня заметила, насколько бывает красивой зима. Десятое декабря, шесть вечера. Людей, как ни странно, было мало, а если они и пробежали мимо меня, то лица у них были недовольные и красные от мороза. А я люблю и холод, и такой бархатный и уютный густой снег.

В такие моменты вспоминается детство, полное волшебных маминих рассказов и ребяческого восторга.

— Мама, смотри, какие снежинки! — Мама улыбалась своей доброй тёплой улыбкой и гладила меня по голове. Она успела оставить в моей памяти образ идеальной женщины. Походка её была плавной и летящей, она любила читать и писала маленькие детские сказки о девочке Лиде. Она никогда не повышала на меня голос, а на свои детские «почемучки» я всегда слушала до безумия интересные рассказы.

— Снежинки, — рассказывала мама, — это вата.

— Но как же вата, если они тают?

— А это волшебная вата. Она тает, потому что люди добрые.

Я не понимала, как связаны добрые люди и снег, но мне представлялось, как кто-то наверху отщипывает малюсенькие кусочки ваты, колдует над ними, превращая в холод, и сбрасывает на добрых людей. Тогда все люди, ресницы и волосы которых были белыми, становились для меня добрыми и хорошими, и я широко улыбалась прохожим. А они улыбались мне в ответ.

— А знаешь, Лида, что когда время подходит к Новому году, то случаются чудеса?

Маленькая шестилетняя Лида вопросительно хлопала глазёнками.

«Наверху живёт очень много эльфов, они и делают эту вату. Представляешь, целый конвейер холодной ваты! Но иногда под Новый год они выбирают маленьких девочек, вроде тебя. И если вдруг снежинка на их руке почему-то не тает, то в Новом году всё будет хорошо. Ты мне веришь, Лидочка?»

И я верила.

Но снежинки на моей руке почему-то всегда становились водой. И я злилась, топала ногами и устраивала маме истерики. «Ну почему же они не тают?» И я обижалась на снег, на маму и на этих дурацких эльфов, которые делают неправильную вату.

Я присела на лавочку, а снега стало, казалось, ещё больше. Как и моих слёз, которые падали вместе со снежинками. Перед глазами то и дело всплывали ласковые мамини руки, звучал чистый голос и витающая в воздухе забота.

Справа тепло светил фонарь. Как-то прохожие спешили в свои уютные дома, горячие ванны и под тёплые одеяла.

Что-то холодное коснулось моего запястья. Снежинка? Она такая красивая, геометрически правильная. Треугольник, ромб, снова треугольник.

Я рассматривала её, казалось, с минуту. Почему-то она не тает. Не тает?

Наш ВЕРНИСАЖ

Дети работников ООО «Калининградхлеб»
(г. Королёв, Московская обл.)
к 110-летию предприятия

1. Карчун Вероника, 11 лет
2. Алмазов Рома, 12 лет
3. Петрейчук Ваня, 8 лет
4. Петрейчук Степа, 8 лет
5. Мартиросян Артур, 9 лет
6. Каримова Альбина, 8 лет

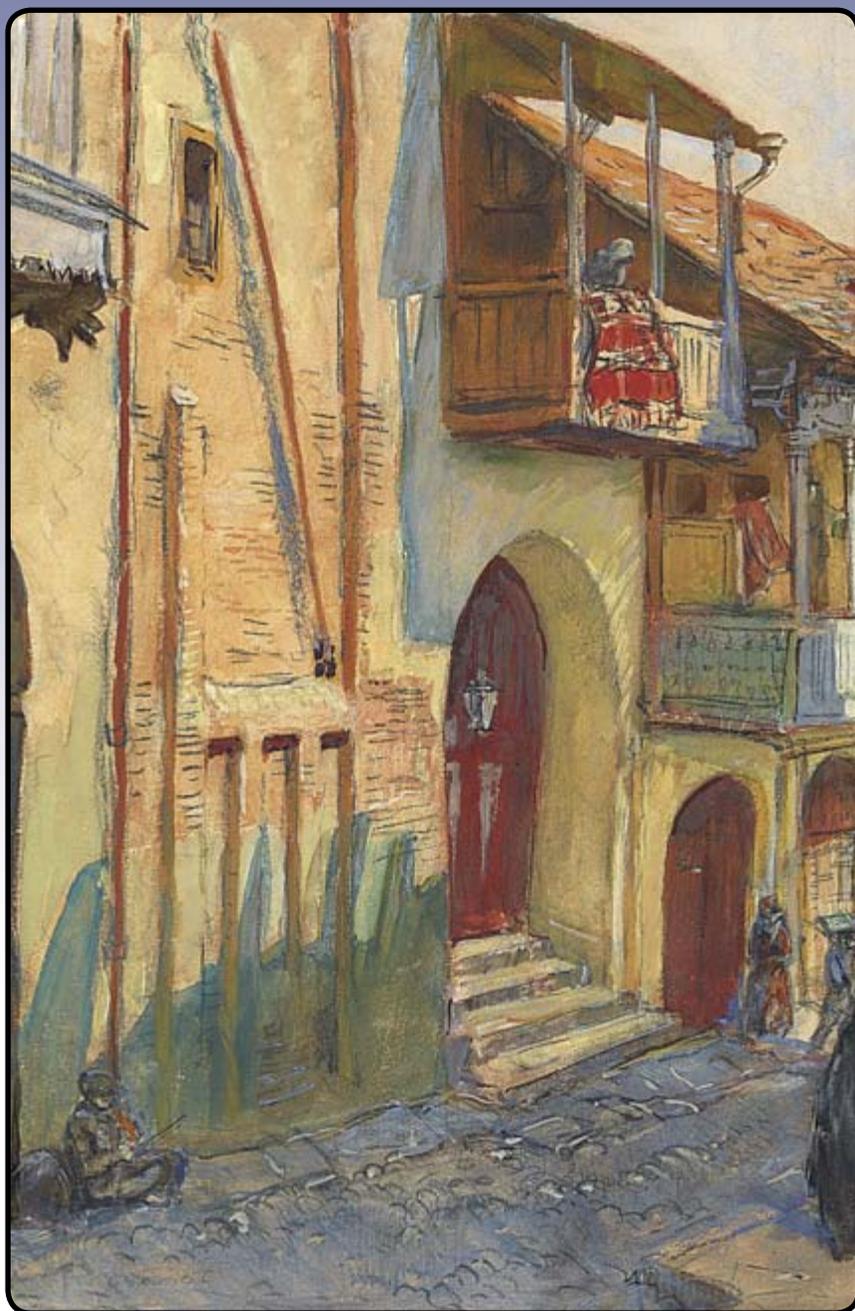

РОМАН-ГАЗЕТА 12 етская

2016 (210)

«Он был отличным графиком, глубоко понимавшим законы художественного оформления книги, и достиг в этом большого совершенства. Он писал исторические картины. Для многих театральных пьес создал эскизы декораций и исполнил ряд работ монументального характера. Всё творчество Евгения Евгеньевича носит черты большого радостного вдохновения, характерного своим бодрым реализмом, блестящим мастерством и огромной культурой».

А. П. Остроумова-Лебедева

Е. Лансере. Улица в Тифлисе. 1921 г.

**СКАЗКИ ДЛЯ ДЕТИШЕК,
СЕСТРЁНОК И БРАТИШЕК:**

Семейный праздник

РАССКАЗЫ:

Не было бы счастья...

ЖИВОЙ УГОЛОК:

Здравствуй, гостья-зима!

БУХТИНЫ:

Примета